

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Атеро Виртанен

18+

Благородная империя

Атеро Виртанен

Благородная империя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33170040

SelfPub; 2018

Аннотация

Семь принципов – солнце Империи, ее вдохновение и божество; идеи Первого императора неоспоримы и бесценны, и первая среди них – война: бесконечная, вечная война ради войны. Но времена меняются, и приходит день сложить оружие; этот-то день и ставит Империю перед главным испытанием в ее истории – миром. Содержит нецензурную брань.

Содержание

I	4
Sint Himmur	4
Khory Vistri	20
Kailur Veikont	36
Villari Nurmist	51
Immuru Sangrin	67
Vinris Asrunt Limen	81
Sigu Sinvist	95
Arin Sauris	108
Nichiri Khuru	123
Aloninuri	135
Конец ознакомительного фрагмента.	138

I

Sint Himmur

– Готовы? – строго спросил лейтенант Аффери, закуривая сигарету.

– Sint himmur, riihore, – отвечал ему молодой рядовой, лейвор Терну Шеркен, – так точно.

Остальные члены отряда только тихо кивнули. Аффери грустно взглянул на солдат: многих из них бронетранспортер вез на верную смерть. Лейтенант уже не раз бывал на поле боя и видел немало крови, но Секкинская война, разразившаяся полцикла назад, в кровопролитии превзошла все предыдущие: в колонии Секкин сложили головы сотни тысяч лангоритов и столько же людей, но борьба продолжалась, и впервые со времен Долгой войны Лангорской империи пришлось бросить в пламя настоящей битвы новобранцев, только призванных в армию, парней пятнадцати циклов, не видевших жизни и не умеющих убивать.

Будь Секкин единственной проблемой, потери были бы куда меньше, но Империя владела половиной мира и повсюду имела колонии, в каждой из которых ей приходилось разбираться с террористами, сепаратистами, партизанами, ди-

версантами, бандитами и, конечно же, тысячами их сторонников, которым они в случае своей победы обещали свободу. Имперская армия, рассеянная во всему миру, стала уязвимой, и слабость для нее означала бы смерть.

Аффери нахмурился.

– Что передать матерям? – спокойно спросил он. Все ждали такого вопроса; солдаты представляли, что их ждет, и успели смириться и даже полюбить свою участь: смерть в битве – честь для лангорита. Солдаты – тридцать шесть молодых воинов – по очереди произнесли свои последние слова. Будущие мученики Империи говорили о многом: они передавали родителям, что любят их, просили прощения за обиды, признавались в том, о чем никогда бы не рассказали иначе...

– Терну, – услышал Шеркен шепот, – как думаешь, мы выживем?

– Кто знает? – ответил он сидящему рядом тикку Фуркуму Мурдикину, своему другу детства и верному товарищу. – Я не пророк.

– Мог бы просто сказать «да», – обиженно произнес Мурдикин. – Вдруг это конец.

– Ничего, – кивнул Шеркен, – скоро все решится.

– И то верно, но все-таки мне не по себе...

– Шеркен, Мурдикин? – спросил Аффери.

– Ну... – протянул Шеркен. Ему было нечего сказать: его отец сражался сейчас на фронтах той же войны, что и сам

Терну, а матери лейвор не знал, – передайте, что на все воля Звезд.

– Принято. Следующий.

– Величие стоит крови, – пробормотал тикку, – слава Империи. Так мой дед всегда говорил.

– Это все?

– Sint himmur... – прошептал Мурдикин. – Что за чушь...

– Слушайте внимательно, – тон Аффери посерьезнел. – Сутью задания вы знакомы. Вам нужно взять под контроль аэропорт, вернуть хинверы с крылатыми ракетами и отключить глушилки противника. Пока они там, Орда не может безопасно использовать дронов и авиацию. Вторая группа войдет с востока, встретитесь с ними в зале ожидания международного терминала и займете входы, оттуда они поднимутся на крышу и вывезут хинвер, а вы займетесь глушилкой в зале ожидания. Противник будет прикрываться гражданскими – презрите жалость. Возьмем Норо Сардент – выйдем на Рикиву и Сирил Мурум, а там и до победы недалеко. Умрите, но не смейте проигрывать. Вопросы?

– Откуда у них глушилки? – спросил кто-то.

– Федерация Юга, откуда же еще.

– Что делать с мирными?

– Действуйте по обстоятельствам. Все-таки они люди, – фыркнул Аффери, – не лангориты. Все, мы на месте.

Задняя дверь бронетранспортера открылась, внутрь хлынул влажный и холодный секкинский воздух. Климат в вели-

кой северной колонии всегда был проблемой: сильные грозы не прекращались уже почти неделю. Солдаты, резким движением понадевав шлемы, вскочили с мест и побежали к терминалу. В них сразу же полетели пули; один из воинов упал на мокрую землю в луже крови, сраженный снайпером, двое других остались лежать под дождем. Остальные скрылись в полуразрушенном аэропорту.

Внутри было тихо и, казалось, совершенно пусто, лишь вдалеке раздавалась стрельба и слышались крики – видимо, вторая группа сражалась с сепаратистами. Отряд медленно продвигался по просторным залам, заваленным обломками и мусором, впереди шел сержант Ингрив, глава группы, остальные следовали за ним в рассредоточении.

– Тихо... подозрительно, – произнес солдат под позывным «Инзель-4». – Ставлю свою гриву, здесь где-то засада.

– Само собой, – отвечал сержант. – Смотрите под ноги. Могут быть мины.

– Мины? – с некоторым волнением в голосе спросил Фуркум. Остальные боялись не меньше, чем он, и эфир наполнял возбужденный шепот.

– Они минируют все подряд, часто подрываются сами, – сказал командир. – Пятый, все в порядке?

– Д-да, – огляделся тикку, – все в порядке.

– Помните пятый принцип, – уверенно произнес сержант. – Heigel tottoru, «отринь страх». Первое задание?

– Sint himmur, riihore, – ответил Терну, – первое.

– Будьте готовы к худшему. Вот что я вам скажу: убивать не страшно, а умирать легко. Главное – не сомневаться, минута – и ты труп. Не забывайте об этом никогда. Если мы выиграем, наши имена впишут в историю, вот о чем надо думать.

– Но люди, они же тоже... разумные, – возразил Фуркум, – разве...

– Им без разницы, разумный ты или нет. – перебил сержант, – Sin risagon. Они нас ненавидят, так будем ненавидеть их.

Рядовой Мурдикин лишь грустно вздохнул. Терну его понимал: лангориты не видели в убийстве греха, но Шеркен никогда никого не убивал. Как и всех имперских дворян, его с самого детства учили верить в семь принципов императора Синвера, в отвагу и твердость; с рождения и до смерти лангорит должен быть готов на все ради расы и державы, однако слова без опыта не приносили облегчения даже сыну офицера, тем тяжелее было Фуркуму, чье детство прошло совсем по-другому – Мурдикин-старший был дворянином, но пожалованным, и сына воспитывал в неге и милосердии.

– Riihore, – начал Терну, – вы уверены...

– Тихо! – воскликнул сержант, жестом приказав остановиться. Впереди раздался тихий звук, как будто по полу что-то прокатилось.

В то же мгновение Ингрив с криком бросился на землю. Тишину разорвал оглушительный взрыв, затем – автоматная

очередь. Терну на мгновение утратил потерял ориентацию, а когда очнулся, то обнаружил, что валяется на земле. Неподалеку от него лежал труп брата по оружию – чей именно, Терну не знал. Весь коридор заполонила серая пелена, видимо, от дымовой шашки. Лейвор слышал, как колотится сердце, кровь во всем теле пульсировала, мышцы дрожали.

Заметив вблизи несколько человеческих фигур, он встал и, пригнувшись, побежал к ближайшему укрытию – барной стойке небольшого ресторанчика, перепрыгнул через нее, а через мгновение еще одна очередь пробила стену над стойкой; на Терну посыпались осколки посуды.

Солдат ощупал шлем, убедился, что он цел, и выглянул из укрытия, но сразу же снова опустил голову, чтобы не словить пулю. Чуткий слух лангорита уловил медленные шаги, приближающиеся к нему; Терну проверил винтовку и, выставив руку, выпустил слепую очередь; хотя пользоваться оружием он умел, в этот раз стрельба показалась ему невероятно, оглушительно громкой, а отдача – неожиданно сильной.

Не успел он вздохнуть, как рядом с ним приземлилась кустарная граната, как в военных музеях. Лангорит сорвался с места и выскочил из укрытия; взрыв окатил его волной горячего воздуха, но не задел; впрочем, Терну было не до радости: в его сторону стреляло уже несколько врагов. Солдат увидел новое укрытие и, дождавшись, прока противник отвлечется, бросился к нему, но его лапу вдруг пронзила сильная боль, и он упал на пол; пуля пробила ногу насквозь. Со-

бравшись с силами, он отполз с линии огня, спрятался за небольшой сувенирной лавкой и отдышался.

В соседнем укрытии он заметил другого солдата; рядом с ним лежал сержант. Терну хотел перейти к нему, чтобы оказать первую помощь – о собственной ране он не думал – но командир, поняв его намерения, лишь отмахнулся.

– Riihore, что происходит?! – спросил Терну. – Все живы?

– Восемь трупов, – хрипло отозвался Ингрив. – С фланга зашли, твари.

– Как они..?

– Потом. Ты цел?

– Sint himmur, riihore, – соврал рядовой. – Что дальше?!

– Помоги пятому, – приказал riihore, – он в другой стороне.

Терну огляделся и увидел Фуркума; тот укрывался от шквального огня за еще одной лавкой, похожей на ту, за которой прятался сам рядовой Шеркен. Тикку, казалось, был страшно напуган, и Терну, собрав волю в кулак, пополз к товарищу.

– Ты как? – спросил он.

– Ужасно, – задыхаясь от волнения, ответил Мурдикин. Рядом с ним в луже крови лежало тело человека; в его голове зияла огромная дыра от крупнокалиберного лангорского пистолета. – Я убил его.

– Вижу! Ты ранен?!

– Немного. Но это... не страшно... О Сарвет-Церги!

Несколько пуль просвистело прямо над ними. Фуркум опустил голову и закрыл глаза, но потом услышал тихое шипение Терну и увидел рану; он сдержал приступ тошноты и быстро расстегнул свой боевой рюкзак.

– Дай посмотрю, – сказал он, дрожащими руками извлекая оттуда аптечку, – сейчас...

– Не смертельно, – перебил Терну. – Все в порядке.

– Не в порядке, – Мурдикин схватил лейвора за руку и воткнул в нее инъектор с болеутоляющим, – сейчас... вот... это поможет.

– Digi, но...

– Не могу на это смотреть, фу, – сплюнул Фуркум, накладывая на лапу нанобинт. – Я боюсь крови...

Нанобинт заискрился, Мурдикин вздохнул с облегчением. Боль мгновенно отступила; нанобинты заживляли почти любые небольшие раны.

– Лучше?

– Немного.

– Противник отступает, повторяю, противник отступает, – донесся хриплый голос командира. – Вперед! Те, кто может сражаться, теснят их к залу ожидания, остальные за нами.

– Пошли, – привстал Фуркум и протянул Терну руку, – пошли.

Лейвор оперся на друга, и они направились к залу ожидания. Стрельба, все еще интенсивная, постепенно удалялась. На полу валялись изуродованные трупы в неестественных

позах, некоторые – с отсутствующими конечностями.

Путь был долгим и мучительным; в огромном аэропорту оказалось легко заблудиться, а входы находились от зала ожидания очень далеко; к тому моменту, как первая группа добралась до него, охранявших зал сепаратистов уже покачала вторая.

Внутри действительно сидели заложники – четыре десятка людей, среди них и женщины, и старики, даже несколько детей. Солдаты согнали их в центр зала, к табло, и окружили; сержант окинул комнату взглядом, раздал приказы и утомленно опустился на сиденья; двое медиков разложили аптечки и принялись осматривать раненых. Инженеры сразу приступили к работе, воины из второй группы отправились наверх и скоро исчезли из виду. Вскоре вдалеке слышались взрывы и гул реактивных двигателей – имперская авиация приступила к бомбардировкам.

– Третий, подойди ко мне, – позвал сержант. Шеркен подчинился.

– Ты ведь соврал, да? – строго спросил Ингрив. – Зачем?

– Седьмой принцип, giihore.

– Седьмой принцип, говоришь? – на секунду командующий задумался. – Нельзя им всегда следовать.

– Как же нельзя? – возмутился Терну. – На них стоит Империя.

– Принцип «оберегай честь» запрещает ложь.

– Я...

– Император Синвер был идеалистом, – грустно сказал Ингрив. – Ты ведь дворянин, так, третий? Не будь ты таким молодым, я был бы у тебя в подчиненных. Вас учат этим принципам, они очень красивы. Но любой простой солдат, обычный Киву из какого-нибудь Хиру Сиглора, скажет тебе, что в мерзкой грязи, в которой мы все возимся, соблюдать их не только невозможно, но и вредно, и будет совершенно прав. Быть рыцарями – удел офицеров, но не солдат. Здравый смысл, Шеркен, вот что важно.

– Я решил, что обременять командование своими проблемами недопустимо, – Терну сохранял внешнюю невозмутимость, но в глубине души понимал, о чем говорит сержант. Лейвора учили по книгам, где война красива и величественна, и первый опыт его разочаровал.

– Понятно, – кашлянул Ингрив. – Благородные тилуры должны забыть о себе, да... Только вот от твоей честности зависит наш успех. Убитый умирает один, раненый губит и союзников тоже. Сейчас у тебя был нанобинт, но в следующий раз может повезти меньше.

– Sind himmur, giihore, – краем глаза Терну заметил, что Фуркум присел рядом с одним из детей; тот сперва испугался, но дружелюбная улыбка тикку быстро успокоила его.

– Милые, правда? – сказал тот, когда лейвор приблизился к нему. – Всегда любил щенков, что наших, что человеческих.

– Может быть, – Терну с интересом наблюдал, как маль-

чик пяти-шести циклов играет с пышным хвостом его друга. Волнение от сражения почти прошло, хотя сердцебиение еще не выровнялось; лейвор чувствовал себя совершенно опустошенным.

– В лучшие времена неподалеку от нашего дома жили какие-то нищие, рабы, наверное, – тикку слегка захихикал, когда ребенок ухватил его хвост и стал мотать из стороны в сторону. – Мы их подкармливали, пока взрослые не умерли. Должно быть, болезнь какая-нибудь.

– И вы взяли детей? – угадал лейвор.

– Да. Отец тогда сказал, что это первый принцип. Помнишь? Shetog mordreiv. «Храни верность». Я тогда удивился, люди же вроде как низшие существа... Потом дошло.

– Ему просто стало их жаль, – предположил Шеркен, – только жалость до добра не доводит.

– Наверное, так, – согласился Фуркум.

Ребенок светло посмотрел на них и широко улыбнулся. Его мать, смуглая женщина, не старая, но утомленная жизнью – это было видно по ее глубоким темным глазам – спокойно наблюдала, как ее сын играет с лангоритами, словно совсем их не боялась, хотя следовало: много веков между людьми и лангоритами шла кровавая борьба, и даже там, где расы сосуществовали, мир всегда оставался шатким.

Продолжая улыбаться, мальчик сказал что-то на непонятном языке.

– Не понимаю, – прошептал Фуркум. – Терну, что он го-

ворит?

Шеркен хотел ответить, но мягкий женский голос опередил его.

– Мой сын говорит, что вы очень добрый, – произнесла полангорски мать, приподняв голову. По человеческим меркам она была достаточно красива, несмотря на морщины и легкую седину, и говорила с заметным секкинским акцентом, медленно, с трудом подбирая слова.

– Вот оно что, – сказал Фуркум. – Мы... мы вас не обидим.

Женщина перевела его слова. Мальчик обнял ногу тикку, который был в два раза выше него, и вновь заговорил.

– Он благодарит вас, – улыбнулась женщина. – Нас очень долго держали здесь эти страшные люди. Некоторых из нас убили. Вы спасли нас.

– Не благодарите, – холодно сказал Терну. – Мы здесь не за этим.

– И все же, – возразила мать, – вы не дали им убить и нас.

Шеркен заметил, что другие солдаты тоже разговаривают и даже шутят с заложниками; атмосфера разрядилась. Лангориты и люди ненавидели друг друга, но скука – общий враг, и с ней им порой приходилось бороться вместе.

– Все будет хорошо, – сказал Фуркум. – Ничего не бойтесь. Мы вас защитим.

– Я вам верю. Меня зовут Алген, – ответила женщина и кивнула в сторону сына, – а это Овур.

– Алген, расскажите нам, что здесь произошло, – попро-

сил тикку.

– На нас напали под Хандолом, по-лангорски он называется Хинтори. Мы живем очень бедно, – начала женщина, глядя сына по растрепанной голове. – Бароны народа гэр часто похищают нас и заставляют работать целыми днями, даже детей и больных. От них нет никакого спасенья.

– Гэр поддержали восстание, верно? – спросил Терну. – Видно, одних рабов им мало.

– Их рабство не такое, как ваше, – вздохнула женщина. – У нас есть поговорка: «не хочешь служить лангориту в радости, будешь служить гэрцу в горе». Плети гэр убили много невинных людей.

– Будь я человеком, предпочел бы плети, – сказал Шеркен, – от хессена не избавиться.

– Хессен пьянит, плеть ранит, – грустно проговорила женщина, – что лучше – мне неизвестно.

Где-то неподалеку раздался смех.

– Великие Звезды, Терну, это же ужасно, – прошептал Фуркум другу на ухо. – У них же нет никакого выбора...

– Разве у нас есть? – грустно ответил лейвор и вновь обратился к женщине; его голос звучал уже не так холодно, – что было дальше?

– Так не должно быть, – пробормотал рядовой Мурдикин.

– Барон Абнор Долмион, так звали гэрца, похитившего нас. Они отвезли нас на какой-то склад в Рикиве, – продолжила женщина. – Жестокий человек, командир мятежников,

привез с собой несколько ящиков с чем-то, я не поняла, с чем, но это были не деньги. Они поговорили на гэрском языке, потом барон и его люди уехали, а командир приказал связать нас и прикрываться нами на войне. Мой муж просил, чтобы оставили детей, но... – по ее щеке прокатилась слеза.

– Aideris khestet, – сказал Терну. – Вечная смерть.

Ингрив, слушавший их беседу издали, молча покачал головой. Поверье лангоритов гласило, что худшее, что может случиться с мертвецом – это воскрешение; смерть для имперца – награда и бесконечный отдых, но Терну знал, что люди ее боятся; он ощутил вдруг странное, незнакомое чувство, и ему захотелось помочь.

– Спасибо, – женщина печально взглянула на Овур. – Он этого не видел.

– Это хорошо, если не видел, – сказал, медленно подходя, Ингрив, – слишком молодой еще. Повезло. У него все впереди.

– Я всегда мечтала о двойне, – Алген вытерла слезу. – Пока не поздно, я надеюсь.

– Поздно никогда не бывает, – улыбнулся тикку, – вот выберетесь отсюда...

– Если, Фуркум, – сказал Терну, – если.

Внезапно до них донеслись звуки перепалки. Один из заложников, мужчина среднего возраста, оттолкнул солдата от себя и что-то громко крикнул по-секкински.

– Что он говорит? – спросил Фуркум.

– Мы оккупанты, он нас ненавидит, – ответил лейвор.

Тем временем между солдатом и мужчиной завязалась драка: имперец толкнул заложника на землю, люди закричали. Алген закрыла глаза.

– Тихо, тихо... – попытался успокоить заложников Ингрив, но люди не слушали; внезапно в руке одного из них сверкнул нож. Выражение лица сержанта изменилось; солдаты, минуту назад непринужденно болтавшие с заложниками, теперь смотрели на них сквозь прицелы автоматов.

– Казнить всех, – холодно приказал Ингрив.

– Что?! – Фуркум посмотрел на него круглыми глазами. – Они же еще ничего не сделали!

– Третий принцип, – безразлично ответил сержант, – «презри жалость».

– Я думал, вы говорили, что семи принципам не нужно следовать! – отчаянно крикнул тикку. Остальные молча смотрели на их спор. – Это было пять минут назад! Что вдруг изменилось?

– Я этого не говорил, – неожиданно мягко сказал Ингрив. – Я сказал, что в битве ими можно пренебречь. Все ради победы.

– Но...

Прозвучал первый выстрел, за ним еще один. Люди падали на пол, заливая его яркой кровью. Рядовой Мурдикин с ужасом наблюдал, как заложников убивали одного за другим; зал ожидания заполонили предсмертные крики и

плач. Терну глубоко вдохнул и достал из кобуры пистолет. Несколько мгновений он просто смотрел на него, стиснув зубы, и не знал, что делать.

– Терну... – едва сдерживая слезы, всхлипнул Фуркум. Лейвор взглянул на него и будто бы слегка опустил оружие, Алген открыла глаза, Шеркен увидел отчаяние и страх и сам вдруг ощутил себя на ее месте; руки тряслись, а палец не хотел нажимать на спусковой крючок.

– Я... – начал он.

– Исполни, – раздражился Ингрив.

– Но...

– Пощадите, – прошептала Алген. – Что мы такого сделали, чтобы заслужить смерть...

– Неподчинение – измена, – глаза сержанта сверкнули гневом. – Презри жалость.

Терну снова посмотрел на друга, затем на женщину и на полковника. Шерсть встала дыбом, ему стало так плохо, что он решил, что сейчас не выдержит; тем не менее он собрался с силами, сглотнул и поднял пистолет.

– Sint himmur, giihore. Прости, брат, – сказал Терну. – Седьмой принцип.

Выстрел. Брызги горячей, липкой крови разлетелись во все стороны, пачкая Терну, Фуркума и даже Ингрива, а последний крик Алген потонул в океане воплей и стрекота автоматов.

Khory Vistri

Император Хинрейв, сорок второй правитель Лангорской империи, славился не только исключительным свободомыслием, но и своеобразным подходом к международным делам; как и его предшественники, он всегда говорил с позиции силы, но, в отличие от прошлых владетелей Нигили Синвера, обычно стремился не к войне, а к компромиссу, и добивался своего за столом переговоров.

Молодой и харизматичный император вызывал у подданных одновременно и любовь, и недоверие: злые языки укоряли его в слабости и отсутствии жесткости, а жесткость лангориты уважали больше всего. О Хинрейве спорили много, любой указ вызывал восторг у одних и осуждение у других; в одном они сходились – после него Империя уже не будет прежней.

Тилур Терну Сиккафур Шеркен цер Секкин очень удивился, когда Хинрейв вызвал его к себе в Комнату скорби, знаменитый тронный зал в Нигили Синвер, откуда императоры, как считалось, видят все страдания своих подданных. Несмотря на то, что Терну был офицером Кровавой стаи, личных войск лангорской монархии, Хинрейв, не питавший особой страсти к войне, очень редко пользовался своими гвардейцами, предпочитая им дипломатов и торговцев.

В коридорах, по которым сновали лангориты и рабы, Терну встретил jekkenihore – генерала – Гердшера Аффери, тоже направлявшегося в Комнату скорби. За пять циклов, прошедших с Секкинской войны, генерал, Первый командующий Дикой орды, поучаствовав во множестве жестоких сражений, совершил тысячу подвигов и собрал все мыслимые и немыслимые награды. Теперь под его руководством находились все сухопутные силы Лангорской империи, вся авиация и весь флот, а отвечал он только лично перед императором.

Вместе они быстро добрались до тронного зала, расположенного на самой вершине огромного небоскреба. Тяжелая автоматическая дверь впустила их внутрь. Комната скорби представляла собой огромный зал с увешанными экранами стенами; через них правитель мог наблюдать за всем, что происходит в Хорд Лангоре, имперской столице.

Пол и стены, разработанные лучшими инженерами державы, содержали особый голографический модуль, единственный в своем роде. Комната выглядела как цветущий сад с молодыми деревцами; в центре зала на возвышении обычно находился широкий трон, временно опущенный сейчас под пол. В дальнем конце тронного зала расслабленно прохаживался статный Хинрейв. Заметив гостей, он на мгновение скрылся в тени деревьев, но скоро появился снова.

– Вы пришли! – удовлетворенно сказал император, выходя из-за голографических ветвей. – Добро пожаловать в Комнату скорби.

Терну пожурил себя, что не поздоровался первым.

– Император, – кивнул он, – вы вызывали нас.

– Да, действительно, – подтвердил Хинрейв. – Как вы понимаете, не просто так. Я хочу сообщить вам нечто очень важное... Пока что только вам.

– Что же это? – поинтересовался Аффери.

– Преемник, – ответил император и улыбнулся. – Всякому лангориту известно, что трон Нигили Синвера передается не по крови. Как ни печально, моим отпрыскам, если они у меня когда-нибудь будут, никогда не стать правителями, поэтому, как мой предшественник, славный император Фенхорд, подобрал меня на улицах Дрё Серно, так и я избрал фёрхиллура из детей улиц.

Древнюю практику эту основал еще Синвер; свидетель гибели великих государств, он видел корень упадка в отдалении правителя от подданных и потому установил, что каждый властитель должен однажды побывать в грязи, чтобы, возвысившись затем над ней, знать ее источник.

– Великая мудрость, – сказал Аффери.

– Синвер не стал бы императором, если бы не был мудрецом, – согласился Хинрейв. – Так или иначе, мой выбор сделан. Мурин, иди сюда!

Из дальнего уголка призрачного сада к ним выбежал совсем молодой – циклов двенадцати – кахтар, облаченный в традиционный имперский костюм «орниг фернур» – длинный черный тренкот с шарфом и воротником, темно-крас-

ный камзол с вышитым угловатым орнаментом, перчатки со стальными когтями и тяжелые сапоги.

– Мурин Кейлору Нириккихор зин Йероффиен, фёрхиллур Вайгерис цер Нигили Синвер, – учтиво поклонился он. – Ходите под Звездами, благородные тилуры.

– Встреча с вами – честь для нас, – сказал Терну. Аффери склонил голову в знак уважения.

– Ага, – Мурин почесал шею, – Хинрейв-риву, что сказать?

– Взаимость, – произнес император, – это главное, Мурин.

– Понятно! – кивнул фёрхиллур. – Для меня это тоже честь, благородные тилуры.

– Ладно, иди, – император потрепал принца по голове, и тот скрылся за дверью. – Шендор Аффери, тилур Шеркен, вы – командующие Дикой орды. Защита Мурина с этого момента – ваша прямая обязанность. Я полагаю, мне нет нужды объяснять вам детали.

– Sint himmur, – сказал Аффери, – мы сделаем все, что в наших силах.

– Превосходно, можете быть свободны, генерал... Шеркен-риву, оставайтесь.

Генерал покорно удалился, хотя на морде его читалось легкое недовольство. Когда Аффери покинул комнату, император щелкнул пальцами, и голограмма сменилась: сад исчез, и тронный зал в мгновение ока превратился в смотро-

вую площадку, с которой были видны даже самые дальние окраины Хорд Лангора.

– Император?

– Ты ведь был в Секкине, верно? – серьезно спросил Хинрейв.

– Sint himmur, khergen, на третьем восточном направлении.

– Я слышал, вы верите в семь принципов. Это так?

– Да, император, – твердо ответил Терну.

– Жаль.

– А вы нет?

– Император Синвер, несомненно, был великим лангоритом. Во всем, что касается политики и войны, его авторитете непоколебим, все же за свое правление он не проиграл ни одной битвы. В то же время я ощущаю сильную... неуверенность в правильности нашего курса. Поэтому я хотел поинтересоваться, что вы думаете по этому поводу, – с каждым словом тон императора становился все серьезнее.

– Это лестно, khergen, – сказал Терну, – но я всего лишь гвардеец. Мое мнение ничего не решает. Вероятно, генерал более...

– Генерал – военный, он не покидает штабов, а вы бываете среди лангоритов и знаете, чем дышит Империя. Это мне и нужно. Кроме того, я знал вашего отца и глубоко его уважаю. Славный был офицер.

– Да, очень, – Терну в задумчивости взглянул на пол. –

Мне до него далеко.

– Все еще впереди, – сказал Хинрейв, – вы не можете отказать, тилур Шеркен. Мы идем по ошибочному пути. Поспорьте со мной и убедите меня, что я не прав.

– Если вам так угодно, император.

– Проблема, тилур Шеркен, такова: в течение многих веков наша великая держава строила политику на семи принципах. Возмездие, справедливость, месть... Красивые идеи, но очень жестокие. Они, словно паразит, питаются нами, заставляя нас вновь и вновь ввязываться в борьбу; многих войн, в которых мы участвовали за последние триста циклов, можно было бы избежать, если бы не принципы.

– Но наша гордость была бы ущемлена.

– Вот именно – гордость! Из-за нее мы всякий раз поддавались на провокации, и тысячи сынов Империи уходили к Звездам. Когда я занял этот трон два цикла назад, меня потрясло количество войн, которые мне оставил мой предшественник. Вы даже не представляете, сколько потребовалось труда, чтобы их разрешить.

– Смерть за флаг – мечта лангоритов, – сказал Терну, – «величие стоит крови». Семь принципов утверждают порядок, и даже вам, благородный khergen, не дозволено их менять. Если в них перестанут верить, Империя умрет.

– Я люблю Империю, тилур Шеркен, – с горечью в голосе произнес Хинрейв, – но есть в ней нечто, что меня безмерно печалит. Это бессердечие. Мы покорили море, небо, са-

му природу, но боимся сделать последний шаг, чтобы завершить это завоевание: перестать обрекать самих себя на гибель. Прекратить войны. Мы можем победить смерть, и тогда весь мир станет нашим... Но пока что мы с ней на одной стороне.

– Вы говорите, как человек. Наши враги не остановятся, пока не уничтожат нас всех; как бы мы ни ценили жизнь, Империя всегда важнее, чем один лангорит или даже миллион. Враг воспользуется любой слабостью и нанесет удар, когда мы не будем готовы. В этом опасность.

– Знаете, когда я еще не был ни императором, ни фёрхиллуром, меня воспитывали в Доме сирот в Гинвур Ланнори; я помню, чему нас учили. «Ты никто, твоя жизнь ничего не значит. Ты живешь ради чести и Империи». Это внушают каждому, я уверен, и вам тоже, и мы верим в эти максимы, поклоняемся семи принципам, как идолу. Когда Фенхорд отправил меня в Секкин, я видел, с каким блеском в глазах наши солдаты, простые молодые лангориты, надежда и будущее Империи, бросались под пули и кидались на вражеские штыки. Я восхищаюсь их героизмом, их подвиги не должны быть забыты, но страшно и несправедливо, что им пришлось умереть из-за нашей недальновидности. Вы правы, пока война не закончена, сложить оружие не получится... но все еще можно изменить.

– А что вы собираетесь сделать?

– Я откажусь от старой имперской политики, – мечтатель-

но сказал Хинрейв. – Мы заключим мир со всеми соседями, закрепим границу и прекратим экспансию, откажемся от вечной вражды. В конце концов, все войны – ради мира. Первый шаг уже сделан: люди допущены в Кайлур, и это только начало. Переговоры будут продолжаться. Естественно, мы не допустим падения лангорского престижа, но кровопролитие окончательно прекратится, и вот тогда враг больше не будет угрозой, и мы окончательно изживем семь принципов.

– Вера в принципы нужна державе.

– Но она также вредна и опасна. У Империи много проблем, которые мы сможем решить, если прекратим воевать безо всякого повода. Несколько недель назад я был в Синно и Нурвине и своими глазами увидел страшную нищету, в которой живут тысячи людей и, как ни печально, лангоритов. Это и есть наш настоящий враг.

– Khergen, от принципов невозможно отказаться. Это же воля самого императора Синвера! Они слишком глубоко укоренились, с ними ничего нельзя сделать. Слишком большой риск, огромные ставки. Никто не знает, чем это кончится.

– Не попробуем – не узнаем, – улыбнулся император. – Это дело потребует тщательной подготовке. А риск... Перемены тоже стоят крови.

Терну хотел было возразить, но Хинрейв жестом остановил его.

– Я учту ваше мнение, тилур Шеркен. Мне нужно пораз-

мыслить. Никому не говорите о нашем разговоре, это должен быть... сюрприз для всех. Окончательное решение я объявлю через четыре дня, в День войны. Вы свободны.

– Как угодно, – кивнул гвардеец и поспешил к двери.

Его удивило нежелание императора продолжать спор, но он решил, что у того, должно быть, есть более важные дела или более глубокое понимание проблемы. Для Терну принципы были не просто правилами поведения – на них держался весь мир, и тилуру Шеркелу очень не нравилось, когда кто-то начинал покушаться на его веру.

Отойдя немного от двери, он заметил, как внутрь вошел высокий лейвор средних лет в очках, длинном темном плаще и белой рубашке с красным галстуком. Они перекинулись безразличными взглядами, и незнакомец исчез за дверью. Терну не придавал этому значения и направился вперед по роскошному коридору, в конце которого, на лестничной площадке рядом с лифтом, ждал генерал Аффери с сигаретой в зубах.

С ним рядом стоял, сложив пальцы домиком, давний друг тилура Шеркелена, Фуркум Мурдикин, владелец и главный управляющий корпорации Xergreiv Khorgest, одетый в бежевый деловой костюм. Военный и бизнесмен о чем-то беседовали вполголоса, но, увидев Терну, прервали разговор.

– О, Терну, здравствуй, – Фуркум коснулся двумя пальцами виска и резко поднял их вверх, словно бы изображая выстрел, но в другую сторону; таково тисури, традиционное

лангорское приветствие, – какая неожиданность.

– Удивительная, – улыбнулся Терну и ответил тем же.

– О чем говорили? – мрачно поинтересовался Аффери.

– Политика... ничего особенного.

– Понимаю, – генерал подозрительно взглянул на него. –

Время не ждет. Lumur merkat, tilaurren.

– Lumur merkat, – попрощался Фуркум, Терну промолчал;

Аффери зашел в лифт и вскоре совсем пропал из виду.

– О чем он? – спросил Мурдикин, глядя ему вслед.

– Император вызывал меня в Комнату скорби, – ответил

Терну. – Больше не скажу.

– Тайны? Заговор? Какая интрига!

– Нет там ничего хорошего, – вздохнул лейвор, – я услышал много грустных вещей.

– Ой, не искушай Звезды, все будет в порядке, – захихикал Фуркум. Глядя на него, Шеркен понимал, почему они стали друзьями. Мурдикин всегда был оптимистом; война, казалось, совсем его не изменила, и что бы ни происходило, он так и оставался добродушным тикку с неизлечимым насморком.

– Ловлю на слове. У тебя же есть убежище на случай чего?

– Само собой.

– А что ты делаешь в Нигили Синвере?

– О, – Фуркум открыл свой портфель и показал другу толстую стопку документов, – куча всяких проектов. Между прочим, трон покупает треть нашей продукции, представля-

ешь. Ты знал, что вся электроника в Комнате скорби – разработка Хергреив Кхоргест?

– Не удивлен. Продай со скидкой?

– Я бы рад, только больно это дорогое удовольствие. Даже у меня самого в Сейно Ривури нет такой голограммы.

– Что же нынче нужно трону? – полюбопытствовал Терну.

– Они хотят кольцо Кихори рядом с Хорд Лангором.

– Серьезно? Я думал, после Аннори их уже не строят в городах.

Двенадцать циклов назад ускорители частиц, разработанные Ривтенкиву Кихори, ученым из столичного Храма истин, изменили мир; так называемые «кольца Кихори» использовали микроскопические черные дыры как источник энергии для получения антиматерии; стоимость ее производства значительно снизилась, а объемы возросли. До полного перехода на антиматерию еще было далеко, но новое топливо уже проникло повсюду; само собой, у Дикой орды тоже был к ней интерес, однако Верховная ставка умела хранить тайны.

И все же у прогресса есть цена: трагедия в городе Аннори, уничтоженном взрывом такого кольца, стоила Империи миллиона жизней. Расследование причин катастрофы не принесло результатов, но с тех пор к Кихори и его творению стали относиться с недоверием.

– Они очень хотят, – Фуркум покачал головой, – а я всего лишь бизнесмен. Если объективно, Хорд Лангору нужно это

кольцо, слишком он прожорлив, потребляет, как Норавурикен и Ферогратоу вместе взятые... Пока что об этом проекте никто не знает, ну, кроме нас с тобой. Это, видишь, государственная тайна.

– Будет много недовольных.

– Разве бывает иначе? Теперь уже и кашлянуть нельзя, чтобы кому-нибудь не помешать. Я уже предвкушаю, сколько макулатуры надо будет разгрести. Как бы еще экотеррористы какие не завелись.

– Маловероятно, – сказал Шеркен. – Никто не решится подрывать Империю, а если и попытается, «Вороны» не позволят.

Подразделение «Ворон», главное ведомство разведки, отвечало за безопасность и искоренение внутренних врагов; оно верно служило кергену Фенхорду, который его и создал, и активно участвовало в борьбе за Секкин. «Вороны» следили за всем и все видели; при сорок первом императоре одно их название наводило ужас на повстанцев и мятежников по всей державе, и никто не мог укрыться от их всепроникающего взгляда. Их-то трудами и очистился дважды имперский Секкин.

– Я надеюсь... Ой, мне пора, – Фуркум взглянул на часы. – Императорский совет заседает через три минуты.

– Lumur merkat, – попрощался Терну. – Ходи под Звездами.

– Ах, да, – Мурдикин протянул лейвору какую-то бумаж-

ку, – послезавтра в Сейно Ривури состоится прием, император обещал прийти. Вы тоже приглашены, Шеркен-риву. Инвестируйте время с умом.

– Благодарю покорно, Мурдикин-риву, – Терну спрятал приглашение в карман.

Распрощавшись с другом, Шеркен вошел в лифт и вскоре оказался в фойе небоскреба. Снаружи, как и всегда, лил дождь; климатическая аномалия над Хорд Лангором возникла несколько веков назад, и с тех пор дожди шли днями напролет, а прекращались редко и всегда ненадолго; происхождение аномалии, несмотря на все старания лангорских ученых, так и осталось тайной.

Терну подошел к своему беспилотному автомобилю и бросил последний взгляд на Нигили Синвер; километровый небоскреб величественно возвышался над огромным мегаполисом, символизируя власть императора и могущество державы; красная подсветка и черные стены – национальные цвета державы – придавали ему мрачный вид.

Верхнюю часть императорской резиденции украшал гигантский медиафасад, на котором гордо сиял лангорский флаг – прямоугольник цвета крови с двумя черными диагональными полосами; в центре полосы вливались в сектора разделенного на шесть неравных частей круга, расположенные на расстоянии друг от друга; углами сектора касались круга поменьше. Этот знак, называемый нуркеном, символизировал единство пород лангоритов.

В машине было тепло и уютно; автомобиль тронулся с места и, мягко разогнавшись, отправился в Рину Читари, поместье рода Шеркен на окраине Хорд Лангора. Дорога предстояла долгая и скучная, поэтому Терну прислонился мордой к окну и задумался, глядя на мокрые улицы столицы.

Ему в голову сразу полезли неприятные мысли. Сошел ли Хинрейв с ума? Каким будет его наследник? Что произойдет через четыре дня? Вопросы роились у лейвора в голове, но он не мог сосредоточиться ни на одном; больше всего его волновало, что решит император.

Терну верил в предначертание и принимал судьбу со смирением; неизвестность не вызывала у него страха, но сейчас ему стало не по себе: лейвор никогда не слышал, чтобы императоры не верили в семь принципов; он не считал, что способен предсказать будущее, но был совершенно, абсолютно уверен, что отказ от ни не сулит ничего хорошего.

У старинных дверей Рину Читари его ждал Махама, его личный раб, прислуживавший ему с самого юного возраста. Махама был уже сед, но бодр духом и крепок телом; несмотря на то, что он был всего лишь хессенсейкуром – рабом, неспособным сопротивляться воле хозяина – Терну относился к нему снисходительно и дружелюбно, Махама отвечал взаимностью и, как знал тилур Шеркен, в его верности господину скрывалось много больше, чем пьянящее воздействие феромона, который Терну применил в самом детстве и против своей воли.

– Добро пожаловать, хозяин, – сказал он, открывая дверь, – я ждал вас.

Рину Читари представлял из себя ветхую внешне усадьбу с двумя флигелями для прислуги, доставшейся уже в порабощенном состоянии от Вирагона, отца Терну; большинство рабов Шеркен-старший сдал в аренду местным промышленникам.

Стены этого старого здания, твердо стоящего уже пять веков, повидали немало великих правителей и славных схваток. С тех пор его много раз ремонтировали и перестраивали, но атмосфера тех времен таинственным образом сохранялась, хотя внутри это уже было технологичное и комфортное современное жилище. В некотором отдалении от здания из земли выступал небольшой металлический купол, где размещалась домашняя обсерватория.

К усадьбе прилагался обширный надел, стоивший роду крови и пота, на котором еще при Вирагоне работали десятки рабов и имелись целые селения; сейчас рента с него и акций нескольких влиятельных корпораций составляли основу дохода дома Шеркен.

Отмахнувшись от предложенного Махамой ужина, лейвор поднялся в свою комнату на втором этаже и опустился на кровать, безупречно выглаженную безымянным кибердворецким, работающим в подвале, и аккуратно застеленную старым слугой. Над простой кроватью тилура Шеркена в крыше было сделано большое круглое окно, через которое

он мог наблюдать за небом.

Дождевые тучи закрывали звезды, но Терну наслаждался и ими: их плавный ход и постоянная смена форм завораживали и успокаивали. Начиналась гроза. Шеркен решил, что уже пора отходить ко сну, прочитал пару страниц из разговоника по языку гэр, о котором не имел ранее никакого понятия, и закрыл глаза.

Kailur Veikont

Следующий день не предвещал ничего хорошего. С самого утра Шеркен получил уведомление от Аффери; тот требовал встретиться в центре Хорд Лангора. Каждый военный Империи знал, что генерал, воплощенный прагматизм, никогда ничего не делает без повода, и Терну понимал, что, если Первый командующий вдруг захотел личной встречи, значит, дело по-настоящему важное.

Аффери с сигаретой в зубах ждал, прислонившись к опоре, на Большом мосту, соединяющем восток и запад столицы. Огромный мост поражал любого, кто посещал город; в отдалении толпились свободные люди, по-видимому, туристы; они что-то фотографировали и громко говорили на незнакомом языке, Терну знал только, что не по-секкински.

Рядом с генералом, облокотившись на поручень моста, стоял Йовин Ранд в боевом костюме и с рюкзаком за спиной; он спокойно смотрел вниз, на великую реку Энферон, питающую Хорд Лангор. Ранд был первым и единственным человеком в Кровавой стае, любимцем Хинрейва, чьим благоволением он и возвысился, и добрым товарищем Терну, с которым они встретились в последний год правления императора Фенхорда, когда Йовин только начинал службу в Кровавой стае, а Шеркен был одним из его кураторов.

Завидев гвардейца, генерал молча кивнул. Ранд улыбнулся и сделал тисури; на его ладони Терну увидел старый шрам, небольшой, но заметный; человек не залечивал его, потому что для него, члена Кровавой стаи, это был символ верности.

– Добрый час, оппиги, – сказал он с легким гэрским акцентом. – Я рад видеть тебя.

Император доверял Ранду больше, чем многим своим опытным телохранителям; как считалось, они познакомились во время битвы под Терано, в которой Хинрейв был командиром, а Ранд – перебежчиком. Человек в Кровавой стае должен был стать символом доктрины кергена, живым подтверждением идеи, что люди и лангориты могут побрататься, и ради этого император вытащил Йовина из Дрё Серно, куда тот угодил после войны как этнический гэрец. Эксперимент оказался удачным: Ранд быстро нашел себе место среди гвардейцев, а они прониклись к нему пусти и сдержанным, но уважением.

– Радует, что ты еще жив, Йовин-гиро, – ответил Терну со снисходительной улыбкой.

– А я-то как рад.

– Да... Jekkenihore, вы хотели что-то обсудить.

– Именно так, – подтвердил Первый командующий. – Дело чрезвычайной важности.

– Почему на мосту? Можно было встретиться в Нигили Синвере или... – спросил Йовин.

– Хороший вид, – перебил Аффери, – слушайте внима-

тельно. Вам известно об организации «Синяя луна»?

– Немного, – сказал Терну, – практически ничего.

– Это картель работорговцев из Кэру Ниттури, более известного как Земля гэр. Несмотря на послевоенные чистки, их народ сохранился, император Фенхорд в последние месяцы правления сам распорядился прекратить истребление, я полагаю, под давлением фёрхиллура Хинрейва. Так или иначе, они воссоздали свою сеть и теперь перешли на наркотики, в частности, искусственный хессен и тиннури. В районе Зиуррен Сайгер вчера задержали крупную партию.

– Какое отношение это имеет к нам? – удивился Ранд. – Этим должны заниматься «Вороны» или Департамент нравов.

– Много причин, – прохладно сказал генерал. – Их агент, а именно он и есть наша цель, говорит только по-гэрски. Захватить его не представляется возможным, поскольку сердечный имплант «Синей луны» мгновенно убивает всех агентов, которые отклоняются от запланированного маршрута. Следовательно, гражданские переводчики, в том числе «Вороны», нам не подходят. Кроме того, анонимный информатор сообщает, что этот гэрец связан с разведкой Федерации Юга и владеет ценными сведениями, доступ к которым должны иметь только Кровавая стая и Верховная ставка.

– Можно ли доверять этому «анонимному информатору»? – усомнился Терну.

– Нельзя, – ответил Аффери, – но с этим источником у

нас давние связи, и за много циклов он ни разу не солгал. «Вороны» проверили его сведения, все сходится.

– Я понял, – немного подумав, произнес Ранд, – в чем задание?

– Поймайте, допросите и казните. Я бы послал одного Ранда, но может потребоваться сейкуруинури.

– Вам известно мое отношение к хессену, jekkenihore, – сказал Терну; улыбка исчезла с его лица.

– Поэтому вас и выбрали, тилур Шеркен, – в голосе Аффери появилось что-то похожее на издевку. – Мы возвращаем добродетели.

– Понимаю...

– Прекрасно. Детали получите на нейроимпланты. Приступайте.

– Sint himmur, giihore, – отчеканил Ранд.

Через мгновение в поле зрения Терну появилась небольшая карта, на которой отслеживалось местоположение цели. Агент «Синей луны», как было видно, направлялся в заброшенный склад на западном берегу Энферона. Человек и лангорит спешно зашагали в направлении цели. Генерал безразлично взглянул им вслед, усмехнулся и вновь затянулся сигаретой.

Левый глаз Йовина засветился, цвет радужки изменился на ярко-красный, белки почернели. То же произошло с глазами самого Терну; смена цвета происходила автоматически и означала, что офицер возбужден или находится при испол-

нении.

Глазные импланты с функцией дополненной реальности, подключенные к системе Laikont, были лишь одной из многих модификаций, используемых лангоритами; имперские аугментации славились высоким качеством и потому ценились повсеместно. В отличие от людей, лангориты не боялись изменять свои тела и любили все продвинутое, а самые передовые технологии, конечно же, доставались военным.

Путь до места назначения был коротким; двигаясь через дворы и подворотни, они вскоре добрались до склада и заметили, как внутрь вошел невысокий человек; дождь к этому времени уже перестал. Йовин достал из рюкзака небольшого птицеподобного робота и нажал на кнопку на его голове.

Машина проснулась, ее резкие движения напоминали настоящую живую птицу; дрон вспорхнул с руки человека и приземлился на крышу мрачного полупустого склада, сквозь которую можно было наблюдать за тем, что происходит в здании; изображение транслировалось прямо на импланты офицеров.

– Интересно, – сказал тилур Шеркен. – Новая разработка?

– Да, работает на антиматерии, сигнал ловит за десять километров. Экспериментальный образец, «Finu Laikont» называется. Их таких только пять штук, – довольно улыбнулся Ранд. – На нее можно установить боевой модуль, но у меня такого нет.

Терну увидел, как неприметный мужчина жмет руки с

кем-то более высоким и худощавым и передает ему какой-то портфель. Наркаторговцы стали прохаживаться туда-сюда по складу, говоря о чем-то на гэрском языке. Йовин тихо шевелил губами, пытаясь запомнить, о чем они говорят. Наконец худощавый поклонился и вышел через заднюю дверь, а цель так и осталась стоять у входа.

– Почему нет охраны? – удивился Ранд. – Может, ловушка?

– Я ничего не чувствую, – принял Терну. – Должно быть, не хотят привлекать внимания.

– Очень недальновидно.

– Люди глупы.

– Некоторые, – усмехнулся Йовин, – пошли.

Убедившись, что жертва их не заметит, офицеры открыли переднюю дверь и проскользнули внутрь. Мужчина стоял на месте совершенно неподвижно. Когда они уже вплотную подобралась к нему, он, казалось, что-то заподозрил и обернулся...

Молниеносным движением Ранд набросился на него и повалил на землю. Мужчина закричал и стал извиваться на полу, словно змея; сопротивление его выглядело отчаянным, но Терну показалось, что на самом деле он и не слишком-то пытается вырваться. Йовин приложил противника о бетон, перевернул его на спину и чего-то громко потребовал по-гэрски.

Шеркен догадался, что мужчина отказывался повиновать-

ся, а Ранд, ударив его пару раз кастетом по усатому лицу, подтвердил эту догадку. Из носа преступника брызнула кровь, на глазах появились слезы, но он продолжал кричать и, как представлялось, ругаться.

Когда Ранд опять занес кулак, мужчина испуганно взглянул на него и вдруг заговорил; его язык еле шевелился за выбитыми зубами. Терну почувствовал в воздухе отвратительный, невыносимый смрад, резкий и такой знакомый.

– Он лжет, – сказал лейвор.

Всякое чувство имеет свой запах, Терну знал точно. Ложь чуткий нос лангорита умел распознавать отлично; он и привык к ней, потому что редкий допрос обходился без обмана, порой ненамеренного и рожденного от отчаяния и паники, это лейвор тоже мог ощутить; сейчас был как раз такой случай.

Ранд схватил жертву за руку и с силой дернул кисть мужчины в сторону; тот закричал, а рука безвольно повисла в железной хватке Ранда. Гэрец что-то прокричал, перемежая слова отборной бранью, понятной без перевода.

– Терну-гиро, давай, – крикнул Ранд, – он отказывается.

– Я не буду этого делать.

– Хотя бы припугни.

– Только припугну, – вздохнул Шеркен, медленно стягивая с лапы перчатку.

Ни один человек не в силах устоять перед хессеном, и лишь самые сильные волей жертвы могут сохранить ясность

сознания. Загадочный феромон лангоритов способен за минуты, а то и секунды сломать волю жертвы и превратить ее в безвольного, но счастливого раба, готового на все ради малейшей прихоти своего хозяина; нужна лишь концентрация и непрерывность.

Изменения, вызываемые хессеном, считались необратимыми, и однажды поработенный уже никогда не мог освободиться. Лангориты росли хозяевами в окружении хессеновой прислуги и не сомневались, что рабство добродетельно; с этой единственной идеей тилур Шеркен не соглашался.

Мужчина заволновался; на его лбу выступил пот. Он начал сопротивляться активнее. Терну сделал шаг, затем другой, медленно и неумолимо надвигаясь на жертву. Гэрец держался все сильнее, но Ранд крепко удерживал его на полу. Терну присел рядом с ним и, схватив его за подбородок, развернул голову к себе.

– Прости, – он плавно приблизил лапу к потному лицу человека и почти накрыл его ладонью. Жертва изо всех сил пыталась отвернуться, но в последний момент, казалось, сдалась... и закричала.

– Стой! – воскликнул Ранд и перехватил руку Терну. – Он сдается.

– Слава Звездам, – лейвор встал и вновь натянул свою черную кожаную перчатку.

Мужчина, задыхаясь от страха, быстро заговорил по-гэрски. Ранд внимательно слушал и изредка задавал вопросы,

иногда переспрашивая, иногда уточняя. Наконец допрос был окончен. Йовин резким движением сломал жертве ногу и встал; крик боли спугнул сидевших на крыше склада птиц, шум их крыльев эхом разнесся по складу.

– Что теперь? – спросил он.

– Казним.

– Мы ведь в Стае, – Ранд достал из кобуры тяжелый лангорский пистолет и почесал шею, – можем сами судить. Может, пощадим?

– Он не жилец, – возразил Терну. – Его убьют свои же, когда узнают, что здесь произошло. Если они следят за перемещениями своих людей, то и за словами тоже.

– Какой смысл его убивать?

– Я не генерал и не ценитель пустого кровопролития, – Шеркен с равнодушно взглянул на корчащуюся от боли жертву, – но у нас задание. Величие стоит крови, Йовин.

– Мне его жаль, – заколебался Ранд.

– Третий принцип.

– Я и седьмой нарушаю, – Йовин опустил пистолет, – но он человек. Раненый и безоружный. Ведь... второй принцип, правильно? «Оберегай честь».

– Дай мне оружие, – предложил Терну. – Я все сделаю.

– Нет, – Йовин снова прицелился. – Я офицер и служу семи принципам.

Внезапно мужчина расслабился и улыбнулся злой улыбкой, в его глазах появился нездоровый блеск. Медленно и

отчетливо он произнес одну короткую фразу и рассмеялся.

Выстрел.

Йовин Ранд смотрел на труп мужчины широко раскрытыми глазами, его руки тряслись, он глубоко дышал, как будто только что убил в первый раз, хотя прежде отнял немало жизней. Кровь растекалась лужей вокруг головы агента «Синей луны» и блестела под слабым светом складских ламп. От Йовина пахло страхом.

– Все в порядке, Ранд-ги́ро? – спросил Терну.

– Невозможно... – прошептал человек и направил на напарника полный ужаса взгляд. – Да, Терну-ги́ро, все... все в порядке.

– Что он сказал? – настаивал Терну.

– Ты не поймешь, – Ранд закрыл глаза, – тебе и не нужно.

Человек, покачиваясь, вышел наружу; снова начинался дождь. Мелкие капли его постепенно укрупнялись, появился легкий прохладный ветер; такая морось никогда не покидала Хорд Лангор.

– Послушай, – вдруг хрипло произнес Ранд, – я... я хочу рассказать, но не уверен, что стоит и что я смогу.

– Расскажи, – Шеркен подошел к нему и положил руку ему на плечо. – Как можешь.

– У меня была семья. Братья, сестры... много. Мы все росли в одном месте, в Секкине, если точнее – в Даннари Суру, неподалеку от Норо Сардента. Наш отец был очень плохим человеком, не понимаю, почему Звезды не покарали его

смертью. Он издевался над нами, заставлял драться и ранить друг друга, мучал, эксперименты ставил.

– Рабовладелец.

– До вашего прихода этим занимались гэр. Мне повезло, со мной отец ничего не успел сделать, но некоторых он просто убивал. Мы редко видели свет. Когда отец позволял нам покидать дом, а это бывало так редко, что мы забывали, как выглядит солнце, мы были счастливы...

– Тяжелое детство, – пробормотал Терну, – вредит нравам.

– Мне двадцать три, Терну-гиро. Двадцать циклов назад, пятнадцать, даже десять, времена были жестокие, ты и сам знаешь.

– Времена всегда жестокие, – глазам Терну вернулся обычный их зеленый цвет. – Судьба чтит третий принцип.

– Не знаю, есть она или нет, но если есть, то тот, кто ее сочиняет – сумасшедший ублюдок. Сарвет-Церги не отвечал на молитвы и не принимал мою сделку, а я предлагал здоровье, рассудок, даже половину жизни – все, что угодно, чтобы все кончилось. Ему было плевать на нас... но я не об этом.

– Продолжай.

– К счастью, нас все же спасли. Вы. Отца поработили и продали в Кайлур, он и сейчас, наверное, служит какому-нибудь лоснящемуся коту где-нибудь в Синпуре. О Звезды, как же я мечтаю убить его... своими руками разорвать!..

– От смерти не сбежать, – сказал Терну, наблюдая за до-

ждем. – Потерять волю куда хуже. Нет ничего страшнее унижения, Йовин. Он получил по заслугам.

– Может быть, – в голосе Ранда слышалась горечь, – но пойми мою ярость.

– Я понимаю. Что было дальше?

– Нас разнесло по разным местам, по всему Эртинуру, мы потеряли связь друг с другом. Когда я вступил в Кровавую стаю, «Вороны» использовали все, что у них было, чтобы найти моих братьев, сестер – обязательная проверка благонадежности и все такое – но даже им не удалось никого найти. Я и лиц-то уже не помню... думал, мы с ними уже никогда не увидимся.

– Но ошибался?

– Похоже на то. Этот человек, – Ранд кивнул в сторону складской двери и опустил взгляд, – он говорит, что один из моих братьев жив и что он ждет меня.

– Откуда гэрц знает, кто ты и что у тебя есть брат? – лейвор почесал нос. – Есть соображения?

– Только одно: брат связался с гэрской мафией, – задумчиво нахмурился человек, – а ведь отец хорошо с ними дела делал, они за нас платили огромные деньги... Как можно...

– Что теперь?

– Если он в Хорд Лангоре, я должен его найти.

– А если это западня?

– Я буду осторожен. Ты бы на моем месте как поступил, а, Терну?

– Даже не представляю, но едва ли это просто совпадение. Живи так, чтобы не сожалеть, Йовин-гиро; хочешь играть с судьбой, играй, но не отступайся, потому что ты отвечаешь не только за себя одного.

– Ты прав, – ответил Ранд, – но я не могу не попробовать.

– Главное – бдительность, – сказал Терну. Он хорошо знал напарника и верил, что тот достаточно мудр, чтобы не ошибиться; в воздухе витала тайна, но ему совсем не хотелось в нее впутываться.

– Пора, – человек взглянул на свой шрам и вздохнул. – Я отчитаюсь о задании и вернусь в Нигили Синвер.

– А дальше?

– Это... – офицер на мгновение замолчал. – Это все слишком подозрительно, наверняка здесь что-то нечисто. Я сообщу об этом генералу и «Воронам».

– Правильно. Lumur merkat, – Терну похлопал его по плечу.

– Может, мы втроем когда-нибудь встретимся. Хочу его тебе показать. Можно в моих апартаментах в Имуру сойтись, как думаешь?

– Когда-нибудь. Ходи под звездами.

– Тебе того же, – ответил Ранд и поспешил в дождь.

Полчаса спустя Терну уже был дома, сидел в своем любимом кресле в декорированной под старину теплой гостиной с камином и листал гэрский разговорник; капли дождя бились в окна, подгоняемые ветром, но внутри было удобно, уют-

но и безопасно; это ощущение, покой среди шторма, лейвор любил больше всего.

Порой в такие моменты его посещали мрачные, но сладкие мысли: на улицах под холодным дождем прозябают тысячи нищих, которых в одном только Хорд Лангоре их было около шести миллионов, а он, тилур Шеркен, дворянин по крови и службе, нежится в тепле своего дома.

Сегодня, впрочем, он думал в основном о предстоящем приеме. Терну давно не выходил в высокомерный свет и потому отвык от пышных забав, которым предавались имперские аристократы в перерывах между войной, охотой и дуэлями; это вселяло в него смутное волнение, похожее на то, что обычно бывает у молодых дворян, когда их впервые вводят в круг избранных, но больше, чем свет, его волновал Ранд, и, как он ни старался избавиться от назойливых размышлений, они не отступали.

– Вы необычайно сосредоточены, господин, – заметил Махама, тихо подойдя к мягкому креслу хозяина, – что-то произошло?

– Да, – сказал Терну, глядя на танцующее в камине пламя, – мой напарник ввязался в опасное дело.

– По делам службы?

– Нет, в этом и проблема. У меня дурное предчувствие.

– Вы говорите о Йовине Ранде?

– Arri. Непонятно, почему он...

– Вы слишком много на себя берете, Терну-коу, – забот-

ливый голос старого слуги звучал спокойно, но говорил Махама с трудом, – ведь вы не в силах повлиять на дела господина Ранда, если только не покорите его, как когда-то меня. Не беспокойтесь о чужих бедах; они и вашу жизнь отравят.

– Дело не в нем, – вздохнул Терну и сразу понял, что в его словах лишь половина правды, – только в его службе. Он гвардеец, а нам нельзя иметь секретов.

– Разве? – улыбнулся Махама. – Великий император доверяет ему, и вы доверяйте. Господин Ранд уже не раз доказал верность Империи. Я слышан о его подвигах...

– Следишь за новостями? – удивился Терну.

– Как и любой имперский подданный. Завтра вас ждет напряженный день, мой повелитель. Расслабьтесь; тилуру Мурдикину не понравится, если вы будете напряжены.

Villari Nurmist

К вечеру все парковки вокруг Сейно Ривури были забиты, и опаздывающим гостям приходилось занимать целые улицы далеко от этого роскошного дворца из стекла и металла. Тилур Мурдикин не поскупился на охрану: вооруженные до зубов наемники в броне досматривали каждого с необычайной тщательностью, территорию патрулировали солдаты Дикой орды и дроиды; еще из окна машины Терну видел, как в резиденцию Фуркума зашли двое гвардейцев. Все по высшему разряду, но иначе и быть не могло: все-таки на прием явился сам император.

Шеркен, по счастью, прибыл заблаговременно и теперь отдыхал на мягком диване в одном из многочисленных залов Сейно Ривури; в центре располагался стол с дорогими расшитыми скатертями из висурийского шелка, с которого гостей искушали всевозможные яства, преимущественно из кухни породы тикку. Анфилады освещали дорогие люстры, выполненные, как и весь дворец, в неповторимом имперском стиле, совмещавшем эстетику стекла и прямых линий со старомодной лепниной и позолотой.

Махама стоял чуть поодаль, увлеченный разговором с другим рабом, щуплым и нездоровым на вид мужчиной; старик был облачен в черный фрак с красным нагрудным плат-

ком и белыми перчатками; на платке красовался символ рода Шеркен – квадрат со вписанным в него кругом. Второй слуга был одет в неприметный сюртук, лишь его пурпурные его перчатки без пальцев выдавали владельца – им был один достаточно родовитый тилур из Верниг Кордейна; лангорские дворяне обыкновенно метили своих рабов то клеймами, то каким-то особым цветом, чтобы не путать их с чужими, потому что редкий аристократ знал прислугу в лицо.

Где-то среди гостей и дроидов-кибердворецких, толпящихся вокруг стола, промелькнула довольная морда Аффери, который, несмотря на табличку на входе, не переставал курить. Терну решил не связываться; приемы он не любил, полагая их расточением времени, и появлялся в свете чаще всего по зову службы. На этот раз, однако, тилур Шеркен не мог не воспользоваться случаем еще раз поговорить с императором.

– Virkin alari, eteri hornist, – Фуркум, как обычно, улыбаясь, подошел незаметно и застал лейвора врасплох. В руках он держал два бокала вина. – Я рад, что ты пришел.

– Virkin alari, Фуркум, – отозвался Терну. – Много желающих повидаться с императором?

– Нет, все, кто хотел, уже повидались, а теперь развлекаются друг с другом, – тикку протянул другу бокал. – Свет ценит забавы и обожает приемы, а разве кто-то дает их лучше, чем тилур Мурдикин?

– Йеру Инури, – лейвор пригубил вино, – тилур Нирихор,

висгис Оринихори... тилур Шеркен.

– Последний прием в доме Шеркен был... циклов десять назад?

– Одиннадцать, и это был бал, кажется, на пятициклие чьей-то смерти.

– Да, помню, впервые тогда вино попробовал. Ой и паршиво же было после этого... детям вредно, – тихо засмеялся Мурдикин. – Во всяком случае, богаче нашего никто не устраивает.

– Сейно Ривури, я смотрю, не изменился... а, нет, полновый, – осмотрелся Терну и поманил друга к себе. – Фуркум... нужно поговорить без свидетелей.

– Без проблем, – бизнесмен опустил рядом с ним на диван; цвет глаз его изменился на синий, и он опустил веки. – Laikont, покажи нам новый мир.

– Исполняю, – монотонно сообщил ушной имплант. – Загружаю киберсреду.

В интерфейсе Шеркена появилось приглашение в симуляцию реальности под названием «Поле грез». Усилием мысли он принял его и тут же почувствовал, как слипаются глаза. Мир вокруг исчез, и Терну вдруг оказался на бескрайнем поле, усеянном желтыми цветами. По ясному синему небу, какого он не видел уже много циклов, плыли пушистые облака. Фуркум был рядом; он сидел на воздухе, сложив лапы на коленях, и смотрел в небо.

– Красиво, правда? – сказал он.

– Это что-то новое, интересно, – Шеркен внимательно посмотрел на цветы и решил, что, не зная он, что это симуляция, то никогда бы не догадался, что они ненастоящие.

– Да, – кивнул Мурдикин, – такое поле есть на одном острове недалеко от Хорд Лангора. Ты там никогда не был, но, думаю, побываешь, такую красоту нельзя упускать. Так о чем ты хотел поговорить?

– Непременно, – ответил Терну. – О чем вы говорили?

– О, много о чем. Император посвятил нас в свои планы, ну, ты понимаешь, о чем я.

– И какова позиция Совета?

– А что Совет? – Фуркум встал. – Совет делает то, что требует трон. Мы не более чем исполнители. Мне, в частности, поручено поработать со СМИ и убедить крупные агентства не слишком критиковать эту новую инициативу.

– Видно, воевать с новостями даже Нигили Синвер не хочет.

– И правильно делает. Они всегда были очень лояльными, но лед здесь тонкий, шаг в сторону – и все пропало, план похоронен. А Хинрейв, между прочим, не так уж неправ. Мы с тобой знаем, какие ужасы творятся на фронте и какое уродство бывает от принципов.

– Принципы верны, – сказал Терну. – Все проблемы – от слабости духа, Фуркум-гиро.

– Да брось, без них было бы куда лучше.

– Если бы ты не был моим другом, я бы вызвал тебя на

дуэль и взял бы генерала секундантом, – улынулся лейвор, – но не могу, потому что ты так и не сказал, что думает Совет.

– Да ничего он не думает. Единства нет никакого, император настаивает на своем, генерал и Вирнагрив – на своем, корпорации и «Вороны» колеблются, и куда же без молчаливого саботажа. Я много с кем общался, и врагов у императора полно что в дворянстве, что в армии, да и в бизнес-сообществе его политику не жалуют. Ничего-то они не понимают. «В пороке черном тонет солнце...»

– «И две луны им рождены», – кивнул Шеркен. – Йахин, верно?

– Да, мой любимый поэт. Видишь ли, Терну: в мире Хинрейва нет ни дуэлей, ни игры в честь, и кое-кому это очень не нравится.

– Нет доблести без битв, очевидно же, а лангориты горды и никогда не согласятся говорить с людьми на равных. Это данность, мир жесток, – Терну пожал плечами, – такова судьба. У самого-то у тебя какие мысли?

– Xergreiv Khorgest всегда поддерживает трон, – подмигнул Фуркум, – у императора, как-никак, почти треть компании. Я не стану нарушать эту традицию и буду голосовать в его пользу, и не надо меня осуждать. Сам же говоришь, судьба.

– Как знаешь, – Терну сорвал цветок и поднес к носу, – я не хочу спорить... Красивое место, напоминает дом, помнишь, тот, в Йевфуре?

– Помню-помню... Мы там с семьей часто бывали, не знаю, правда, что теперь с ним стало.

– Там тоже были такие цветы, или, по крайней мере, очень похожие, и горы, заснеженные всегда, высокие.

– Да, и мы в них ходили не раз, и Винтури с нами. Где-то он сейчас?..

– Понятия не имею.

– В семье Шеркен так не любят друг друга?

– Так сложилось, – Терну помотал головой. – Воля Звезд.

– А ко мне ты тоже по воле Звезд пришел, э? Конечно нет.

– Ты меня не переспоришь, – усмехнулся лейвор, – даже не начинай.

– Не понимаю я тебя. Что за радость – верить, что все решено за тебя? По-моему, это путь в уныние, ты поосторожнее с фатализмом, так и заскучать недолго... А скука, ты знаешь, душит сейчас свет, как какая-то хищная змея.

– В фатализме нет никакой радости, kerren, но против реальности не пойдешь, я не бог.

– Это не оправдание.

– Что?

– Забудь... Laikont!

Мир вокруг вновь на мгновение потемнел, и Терну обнаружил себя на том же мягком диване; он проморгался и посмотрел вокруг. Махама все еще беседовал с кордейнским рабом, никто, казалось, и не заметил, что Шеркен с хозяином мероприятия куда-то отлучались. Гости оставались там же,

где были пять минут назад, когда Laikont отправила Терну на поле желтых цветов. Фуркум уже пришел в себя и теперь тихо посасывал вино.

– Интересный эффект, – пробормотал Шеркен.

– И очень полезный, – заметил Мурдикин. – Между прочим, он используется во время ручного управления Arivu.

Laikont Arivu – новейшая разработка лангорских военных, боевой дроид, управляемый, помимо автопилота системы Laikont, изнутри, как бронекостюм, или живым пилотом дистанционно. Первые эти машины войны появились под конец Секкинской войны и быстро изменили обстановку на поле боя – правда, полномасштабных войн они еще не видели, Хинрейв не давал.

В локальных же конфликтах они показали свою мощь – руками Arivu вырезали целые города и сравнивали с землей крепости – и стали ночным кошмаром человеческих политиков. Некоторые государства, особенно Федерация Юга, попытались разработать собственные аналоги; в чем-то они даже преуспели, но лангорский размах, главная сила Империи, был им недоступен.

– Ладно, пойдем! – Фуркум отдал бокал появившемуся из толпы кибердворецкому и встал. – Ты же здесь, чтобы с императором встретиться?

– Да, что-то я отвлекся, – Терну поднялся с дивана и подозвал Махаму; тот учтиво распрощался с собеседником и присоединился к хозяину. Через минуту они втроем шли по про-

сторным коридорам Сейно Ривури; сквозь стеклянную крышу и тонкие облака виднелись две луны, на которые стремительно наступали темные тучи.

В свободных от столов помещениях организаторы выставки на всеобщее обозрение технологические достижения корпорации – приемы в Лангорской империи по традиции были чем-то средним между банкетом и оружейным экспо. Вокруг некоторых изобретений, среди которых, в частности, сверкали новые модели Arivu и большие боевые роботы, толпились почтенного вида аристократы; они о чем-то оживленно спорили между собой и были явно очень увлечены этим занятием. Знания о военной технике в свете ценились почти так же, как богатство или репутация, поэтому каждый стремился показать себя экспертом.

– Зачем на них эти кнопки? – спросил Терну, увидев на одном из дремлющих дроидов небольшую панель управления, закрытую полупрозрачной крышкой.

– Базовые программы, – ответил Фуркум, – на случай, если вдруг нарушится связь с Laikont и повредится социальный модуль. Самоуничтожение, отступление, нападение. Примитивнее некуда, вводишь код – и все, хотя его, конечно, нужно еще знать.

– Терну-коу, – прошептал Махама, – до вас доходили новости о господине Ранде?

– Что за новости?

– Его видели здесь несколько минут назад, – слуга ткнул

пальцем в свой коммуникатор.

– Ну да, я пригласил его, – не поворачиваясь, сказал Фуркум. – Лангорит и теуркиин – братья навек. Вон, посмотри, – тикку остановился и указал на горничную-человека, молодую девушку; та спокойно и внимательно наблюдала за роботами-уборщиками.

– Рабыня?

– Аха! Как бы не так, – подмигнул Мурдикин. – Я не держу рабов. Пусть люди будут свободными, мне не жалко. Вот она, например, была певицей в Нораввурикене, достаточно известной среди людей, кстати. Что-то там было про нефтяную кровь и ревность... неплохие, в общем, тексты.

– Когда вы еще были щенком, я видел в вас доброе начало, Фуркум-витари, и ваши слова радуют мое сердце, – сказал Махама, – но вызывает интерес, как эта молодая женщина попала сюда.

– В Кайлур многие едут. С тех пор, как император открыл границу для людей, на границе нет отбоя от желающих, сам видел. Здесь все возможности... Да и нам хорошо, с ними весело. В Сейно Ривури, как видишь, много людей – всех я пригласил, в том числе и Йовина-гиро.

– Прекрасно, – облизнулся Терну, – к нему тоже есть вопросы.

Вскоре они вошли в огромный читальный зал; вдоль стен стояли автоматические книжные шкафы. Йахин, Тейору, Зеттель – у Фуркума, казалось, было все, от проверенной

временем классики до подпольных сентиментальных романов, где каждый первый герой жертвовал собой ради любви. За столом в центре этой библиотеки сидел император с книгой в лапах; Ранд стоял у стеллажа, изучая корешки старинных томов.

Заметив Терну, человек сразу оживился и подошел к нему.

– Терну-гиро, – Йовин сделал тисури, – *pergi kaverin*.

– Йовин-гиро, – кивнул Шеркен.

– О, вы здесь, – император отвлекся от чтения и пристально посмотрел на Терну, затем на Махаму. – А это кто?

– Мой раб.

– А, понимаю. Тилур Мурдикин заранее известил меня о вашем желании поговорить, я думаю, это не будет лишним.

Итак?

– Вы приняли решение? – спросил Терну.

– Касательно принципов? Да, официально я объявлю об этом в День войны, как и планировалось.

– Император, вы у опасной черты. Прошу вас, не забывайте о заветах Синвера.

– Как и любой властитель прошлого, – Хинрейв улыбнулся. – Принимать трудные решения, Шеркен-риву, это долг правителя и неизбежность, которую нужно принять. Император Фенхорд рисковал чужими жизнями в Секкине, я рискну нравами ради будущего. Это тоже завет Синвера.

– Я видел Секкинскую войну, *khergen*. Фенхорд ошибся,

и посмотрите, к чему это привело.

– Ты против единства Империи? – озадаченно спросил Ранд. – Или против войны? Неожиданно...

– Нет и нет, но если Звезды...

– Проблемы решают не Звезды, тилур Шеркен, а мы, – сказал император. – Решимость приносит успех. Секкин, несомненно, был ошибкой; мой предшественник более всего боялся, что его забудут, и получил, что хотел. Имя – что может быть важнее для лангорита? Я же не тщеславен, мне безразлично, будут меня любить или ненавидеть. Я сделаю все, что нужно Империи.

– Слишком большой риск, император. Даже выше, чем тогда.

– Это верно. Вопрос в цене бездействия...

Император был непреклонен, и Терну решил прекратить: это был легкий способ задеть гордость кергена и тем самым навлечь на себя монарший гнев, но переубедить Хинрейва не осталось никакой надежды; зная природу споров, Шеркен осознал сейчас, что рискует только сделать хуже.

На мгновение в его голове промелькнула мысль, что он нарушает первый принцип и совершает преступление против морали, отказываясь бороться за Империю; затем он вспомнил, что говорил ему старый сержант Ингрив. «А вдруг получится?» – подумал Терну, но, помотав головой, сразу развеял эти сомнения и смирился с решением Звезд.

– Я полагаю, это все? – спросил Хинрейв.

– Sint himmur, khergen.

– Nergi, – правитель откинулся на спинку кресла и вновь погрузился в чтение. – Lumur merkat.

– Терну-гиро, – Шеркен ощутил тяжелую руку Ранда на своем плече, – отойдем на минуточку.

Несколько секунд они шли вдоль стеллажей, заполненных разноцветными книгами из бесконечного прошлого – все новое выходило подчас исключительно в цифровом виде. Книжки эти охватывали такое множество тем, от влияния национальной кухни на дипломатию до теории и практики самоубийств, что Терну удивлялся, как кто-то додумался писать о подобных вещах.

– Ну что? – спросил лейвор, когда они уже порядочно отошли от остальных.

– Он появился! – воскликнул Ранд. – Он действительно существует!

– Какая неожиданность, – прохладно произнес Терну. – Поздравляю.

– Да. Мы с ним хорошо поговорили вчера, он ждал меня у Нигили Синвера. Под такой дождь попали...

– Очень интересно, откуда он узнал, что ты в Нигили Синвере.

– Какая разница? Главное, что он знал и мы пообщались. Нам есть что вспомнить, все-таки много циклов вместе прожили в детстве. В доме отца ведь были не только слезы.

– Осторожно, Йовин-гиро.

– Я знаю, Терну, но это все-таки мой брат. Похож на того, что я помню, как две капли воды... Это точно он.

– Я и не спорю, – Шеркен покачал головой. – Генерал знает?

– Знает, я рассказал.

– И все-таки, – Терну взглянул Йовину прямо в его слегка смущенные карие глаза, – не стоит с этим связываться.

– Я понимаю твое беспокойство, но и ты меня пойми: я не могу оставить его. Ему нужна помощь, он беден и голодает; я бы пустил его к себе в дом, если бы не правила. У него нет ни крыши над головой, ни работы, ничего. Поэтому-то он и связался с гэрцами.

– Йовин, ты телохранитель... – Шеркен прильнул к уху человека, – телохранитель самого императора. Тебе нельзя так рисковать.

– Верно, я телохранитель императора, поэтому если ты думаешь, что мои личные дела помешают мне исполнять обязанности, то сильно ошибаешься, – зло сказал Ранд. – Как я уже говорил, генерал обо всем знает.

– Хотелось бы надеяться... Тебе я верю, керген. Вопрос лишь в том, можно ли верить твоему брату.

– Надо рискнуть.

– Делай как знаешь, – вздохнул Терну и похлопал Ранда по плечу. – Помни, что я всегда рядом.

– Спасибо. Прости, но это слишком важно, чтобы я мог... мог бросить его.

– Чему быть, того не миновать, – Шеркен протянул человеку руку. – Береги себя. Lumig merkat.

– Как скажешь... – Ранд неуверенно пожал ее и отвернулся, вернувшись к внимательному изучению полок с книгами.

Терну подозвал Махаму, раскланялся с императором, обнялся с Фуркумом, который явно был очень недоволен, что его друг так быстро уходит, и направился к своему роскошному автомобилю; летающие машины начинали уже входить в моду, но в семье Шеркен предпочитали наземную классику. Мотор заработал, и транспорт тихо двинулся с места.

– Вы удовлетворены, Терну-коу? – спросил Махама.

– Более чем, – пробормотал Шеркен, устраиваясь в салоне. Слуга сел рядом с ним. Дождь, прекратившийся незадолго до их прибытия, возобновился, стуча по крыше их сверкающей машины. Терну выглянул в окно и сквозь капли вдруг увидел знакомую фигуру.

Лейвора в черном плаще.

Тот, видимо, почувствовал его взгляд и ухмыльнулся, словно видел его сквозь тонированные окна машины. Терну вдруг ощутил, что мешает и лезет в дело, которое его не касается, и ему захотелось побыстрее уехать подальше от этого загадочного незнакомца.

Лейвор стоял под дождем и что-то шептал, исходящий от Сейно Ривури свет отражался в линзе его очков и подсвечивал падающие капли дождя. Вторая линза оставалась в тени, и через нее было видно его сияющий зеленый глаз, очевид-

но, искусственный.

Шеркену стало жутко, но незнакомец вскоре отвлекся на кого-то другого.

– Вас что-то беспокоит, господин? – Махама наклонился к хозяину.

– Нет, ничего...

– Вы ведь обманываете, – улыбнулся старик.

– Не беспокойся, Махама. Это не твоя проблема.

– Отнюдь, – слуга улыбался все шире, но очень по-доброму, словно любящий отец, – ведь господин Вирагон приказал мне хранить вас и ваше спокойствие. Разве я могу слушаться его воли?

Терну промолчал. Его отец, тилур Вирагон Кинури Шеркен цер Сиру Инрисгрин, был офицером Дикой орды и большую часть своего времени проводил на поле битвы или в мрачных штабах, где командование лангорских войск разрабатывало свои грандиозные планы. Лишь в редкие недели отдыха отец возвращался к сыновьям и отправлялся с ними в какое-нибудь путешествие.

Ему-то Махама раньше и принадлежал, хотя был тогда не рабом, а гувернером, причем наемным; глава дома Шеркен нуждался в слуге, чей разум не тронут коррозией хессена, и потому получил от императора Фенхорда исключительное позволение везти в метрополию свободного человека.

Вирагон пал смертью храбрых, после чего слуга перешел к Терну и его брату Винтуру, который теперь служил в Дикой

орде. Поскольку полковник Вирагон всегда был занят, старый Махама заменял братьям и отца, проливающего кровь в сражениях, и мать, которой они никогда не знали. Этим он отличался от всех других рабов, которые ничего не значили для Шеркенов – Махама стал для них не только слугой, но и опекуном, к которому они искренне привязались. Конечно же, ему было позволено намного больше, чем другим.

Терну сохранял молчание; старик решил не настаивать и, блаженно улыбаясь, откинулся на спинку сиденья. Тилур Шеркен же продолжал со скукой смотреть в окно, где уже ничего не привлекало внимания.

Immuru Sangrin

– О вас ходит много... интересных слухов, – проговорил седой человек в сером деловом костюме, – господин Ринслейф.

Ринслейф молчал.

– Говорят, вы прославились во времена войны в Секкине. Я ознакомился с боевыми отчетами вашего отряда, поразительные способности, совершенно поразительные. В войсках, будь вы лангоритом, вам не было бы цены, господин Ринслейф. Меня немного удивило, впрочем, что вы пошли не по тому же пути, что и ваши товарищи.

Лежащий на жесткой койке мужчина взглянул на него и едва заметно пошевелил губами, не в силах что бы то ни было сказать: у него не было языка. Рядом с ним стоял массивный аппарат жизнеобеспечения, который, гудя, поддерживал дыхание и качал кровь по жилам.

– Должен сказать, мне очень нравится ваша принципиальность. В наше время это редкое качество. К сожалению, мало кто теперь готов жертвовать собой, как вы... «День крови», верно? Так она называлась? Слишком яркое название, но, вероятно, вы были тогда очень молоды, не могу вас осуждать. Вы все спланировали идеально, один из ваших соратников, господин Даттен, поделился со мной подробностями

этой истории. Почти идеально... Жаль, что не выявили предателя, а иначе бы точно победили. Какая досада, все-таки, что был изменник.

Ринслейф опустил веки; нечто подобное он слышал каждый раз, когда к нему кто-нибудь приходил. За последнее время – один цикл или десять, он не знал – его посещали много раз. Вернесцы, актавейцы, лангориты и, конечно, федералы; они проводили с человеком по несколько минут, высказывали последнему герою вольного Секкина свое восхищение, уходили и больше никогда не возвращались.

– Вы, верно, думаете, что я какой-то историк или журналист. Нет... – пожилой человек наклонился к больному и зашептал ему прямо в ухо. – Федерация Юга верит в вас.

Живой труп широко распахнул глаза и взглянул на старика со смесью удивления, радости и... страха? Он отчетливо помнил, как люди Федерации помогали повстанцам в дни войны; на их поддержке и держалось восстание. Ринслейф понимал, конечно, что он и его товарищи были для федералов лишь пешками в их бесконечной борьбе с Лангорской империей, но его это не задевало – в конце концов, истории безразличны маленькие люди, рассуждал он. Попав в плен, Ринслейф смирился и уже полагал, что его ждет болезненная, ужасная, но спокойная вечность; чего же теперь хотела от него Федерация?

– Я понимаю, вы удивлены; не беспокойтесь, камеры отключены, нас никто не услышит, – сказал старик. – Я глупо-

ко убежден, что люди должны помогать друг другу. То, что с вами произошло, ужасно. Сделать человека донором против его воли... из вас извлекли все, что только можно было извлечь. Сердце, легкие, печень... Остается только мозг. Страшная казнь. Лангориты, эти звери, они не знают жалости, и вы, господин Ринслейф, не хуже меня осознаете, что этому нужно положить конец. Вы, должно быть, думаете сейчас, что ничем не можете помочь, лежа на этой койке. Унижительно, но не беспокойтесь... доверяйте нам.

В голове Ринслейфа понеслись мысли. Человек, сидевший рядом с ним кажется, появлялся за последние несколько недель уже не впервые, он читал пленнику новости, рассказывал обо всем, что происходит за пределами Дворца возмездия в Дрё Серно, где и томился Ринслейф, но никогда до сегодняшнего дня старик ни слова не проронил ни про Федерацию Юга, ни про Секкинскую войну.

Ринслейфу очень хотелось ему доверять, да и ничего не оставалось; из всего, что есть в Дрё Серно, городе-концлагере, Дворец возмездия был самым ужасным: величайшая тюрьма города тюрем, воздвигнутая среди трущоб, где не стихали войны банд, содержала худших врагов Империи.

Сбежать из Дворца было невозможно, но старик, прошедший через все охранные системы, не скрываясь, и готовый вербовать заключенных прямо в камерах, вырос в глазах Ринслейфа до уровня бога. Его властный и в то же время лукавый взгляд не внушал доверия, но пленник ясно видел,

насколько могущественен этот человек.

Его отнюдь не прельщала перспектива всю оставшуюся недолгую жизнь быть донором для лангорских рабов, он хотел освободиться, увидеть мир таким, каким он стал, и спасти его, и выход был только один.

– Вы присоединитесь к нашему делу? – спросил старик.

Ринслейф кивнул. Мужчина удовлетворенно улыбнулся и подошел к двери.

– Человек по имени Сунду Ринслейф умер сегодня, в пятый день второго цикла императора Хинрейва. Забудьте это имя; отныне вас будут звать... Jekken Ayraderi. Бессмертный рыцарь.

Долго ждать не пришлось; через несколько дней Ринслейф неожиданно для себя оказался в одиночестве в какой-то мрачной лаборатории, на чистой, но неудобной койке, на которой не мог пошевелиться, потому как был пристегнут к ней прочными ремнями.

Дорогое оборудование блестело, будто его только что отполировали. На голове Ринслейфа висело какое-то тяжелое устройство, давящее на виски; ему было любопытно, что это, но посмотреть он не мог. В углу стояла крупная черная фигура, напоминающая боевого робота.

Раздвижные двери комнаты раскрылись, внутрь вошел знакомый старик, одетый все в тот же серый костюм, поверх которого был накинут белый халат.

– Доброе утро, Бессмертный рыцарь, – старик присел рядом с Ринслейфом и, взяв в руку его ладонь. – Я исполнил свое обещание.

«Все лучше, чем Дворец возмездия», – подумал Ринслейф и вдруг услышал механический голос, повторяющий его мысли.

– Это устройство у вас на голове, – улыбнулся старик. – Благодаря нему вы снова можете говорить.

– Это невероятно... – ответил бывший пленник. – Я и не надеялся даже... что когда-то еще...

– У вас все еще впереди, мой друг. Сейчас я объясню вам, что вас ждет. Видите тот костюм в углу комнаты? – старик показал на робота. – Это ваше новое тело. Мы много циклов работали над этой технологией. Оцифровка сознания – очень сложный и затратный процесс, и вы станете первым живым существом, чье сознание подвергнется полному слиянию с машиной. Вы станете неуязвимым; смерть больше ничего не будет значить для вас. Вы никогда не почувствуете боли, не заболеете и не состаритесь. Да... вы сможете продолжить свою борьбу.

– Вы красиво говорите, но... в Секкине больше нет сепаратизма... – сказал Ринслейф, – а Лангорская империя побеждает всегда... Какой смысл в этих доспехах?

– Отнюдь! Эртинур на пороге больших потрясений. Как я уже говорил, Федерация Юга верит в вас.

– Расскажите мне все.

– Еще не время, – загадочно ухмыльнулся старик. – Вы сами все увидите. Откладывать нельзя; мы должны приступить к переносу. Вы готовы?

– Где мы?

– Там, где нам не помешают.

Ринслейф взглянул на черные матовые доспехи, свое будущее тело, и задумался. За научной гонкой Федерации и Империи следил весь мир, потому что из нее рождался прогресс. Великие изобретения, гениальные ученые – и споры о непонятном. «Оцифровка сознания» – для Ринслейфа, человека трущоб, это звучало как черная магия; его разум перенесется в машину, но...

– Что будет со мной после переноса? – наконец спросил Ринслейф.

– Вы станете бессмертным.

– Я имею в виду это тело. Что произойдет с ним?

– Ах, понимаю. Все очень просто. Ваше тело умрет.

Ринслейф вздохнул. Если старик говорил правду, его сознание должно было оказаться в новом теле, но что, если тот лгал или ошибался? Этот вопрос вызвал в его душе бурю, и, если бы у него еще оставались мышцы, он бы дрожал от возбуждения; однако Ринслейф не дал чувствам овладеть собой и рассудил, что лучше рискнуть, чем навсегда остаться живым мертвецом, лишенным права на окончательную смерть.

– Я готов, – наконец ответил он. – Мне нечего терять.

– В таком случае...

В глазах Ринслейфа вдруг потемнело, все тело пронзила боль; человек чувствовал, как бьется в судорогах, и уже никак себя не контролировал. Свет стал мигать, но старик остался спокойными; агония подопытного как будто не производила на него никакого впечатления.

И боль внезапно пропала. Ринслейф уже ничего не видел, ему казалось, что он парит в абсолютной темноте. «Вот и все? – подумал он, – я умер?» Так продолжалось достаточно долго, но затем его наполнила легкость и странная эйфория. Темнота стала стремительно исчезать, растворяться в ярком свете, исходящем со всех сторон...

Он открыл глаза и увидел лабораторию и своего мучителя в ней. Старик стоял на том же месте, довольно улыбаясь, а рядом с ним лежал уродливый скрюченный труп, лицо которого замерло в гримасе боли и ужаса. «Неужели это был я? – удивился Ринслейф, – выглядит даже хуже, чем я представлял...» Ошарашенный Ринслейф опустил взгляд на свои черные механические руки, тяжелые и прочные на вид, но по ощущениям легкие, как перышко.

– Добро пожаловать в мир живых, Рыцарь, – сказал старик.

– Это так необычно, – новый голос Ринслейфа звучал мрачно и внушительно.

– Вы привыкнете. Хорошо чувствуете костюм?

– Идеально, – ответил Рыцарь, осматривая свое новое тело. – Я впечатлен.

– Я должен извиниться за страдания, которые вы перенесли.

– Посвятите меня в свой план, – черный гигант указал на свое бывшее тело, – и сожгите его.

– Сожжем, – сказал старик, – но мой работодатель полагает, что для плана еще слишком рано. Вам нужно освоиться с доспехами. Вы и не догадываетесь, сколько в них функций... В вашу броню встроены реактивные двигатели, работающие на антиматерии. Они включаются простым усилием воли и управляются автоматически. Отправляйтесь на полигон по координатам, которые я вам отошлю, и ожидайте там. Поэкспериментируйте заодно со своими способностями – скоро они вам наверняка понадобятся.

– Почему вы не можете рассказать сразу? – раздражился Рыцарь. – Я не люблю тайн.

– Нужны еще некоторые приготовления. Скоро мы будем готовы перейти к исполнению плана, но пока вам не следует засорять память тем, что еще может измениться.

– Принято, – холодно сказал Ринслейф. – В таком случае я выдвигаюсь.

– Хорошие слова, мой друг.

Рыцарь сдвинулся с места и медленными шагами пошел к большой двери, единственному выходу из лаборатории. Когда он скрылся в коридоре, а двери закрылись у него за спиной, старик оперся на стену и захохотал.

– Невероятный успех! – воскликнул он. – Великое время!

Вуркулур будет доволен.

Рыцаря поразила легкость полета, хотя ощущения его были совсем не такими, как он ожидал. Крылась ли причина в его новом облике или в романтических заблуждениях, которые каждому прививаются с детства, он не понимал, да и не сильно хотел: все-таки виды были захватывающие. Горы и равнины, поля и степи, а между ними – долгий перелет через спокойное море.

Его тело несло над землей на такой скорости, что, будь он все еще живым человеком, все вокруг слилось бы в цветастый калейдоскоп; Рыцарь опасался, что его обнаружат и собьют как угрозу, однако его опасения были напрасны; несколько раз мимо него пролетали самолеты, в том числе боевые, но никто не обращал на него внимания. «Стелс, – подумал человек-машина, – продвинутый...»

Через некоторое время он оказался над пустыней; земля внизу была освоена слабо, и если бы даже чей-то острый взор и разглядел летящего в небе гиганта, то сообщить о нем было бы некуда. Рыцарь летел долго и уже приближался к цели, но вместо мыслей о задании ему в голову лезли воспоминания о Секкине.

В те годы Рыцаря звали Сунду Ринслейф. Простой секкинец, родившийся через много циклов после покорения этой суровой земли императором Мирагистом и воспитанный в традициях лангорского рабства, он с самого детства не знал

иной жизни, кроме службы своим многочисленным хозяевам; только благодаря большой удаче его не успели поработить по-настоящему.

Так было до первого Секкинского восстания, в котором он участвовал непосредственно и где приобрел бесценный опыт; с тех пор он и его соратники, батальон «День крови», появлялись везде, где люди сражались с лангоритами, и оказывали им всестороннюю поддержку. В романтическое время бесконечных войн Сунду был одним из многих и мало выделялся на их фоне; однако время шло, романтики гибли, но к Ринслейфу судьба была благосклонна.

А затем началась Секкинская война.

Секкин считался самой угнетенной из всех имперских колоний; соглашение между народом гэр, правившим там до прихода лангоритов, и Нигили Синвером сделало рабство неизбежной участью каждого секкинца. В отличие от других колонистов, имевших в лучшем случае по два-три раба, секкинские лангориты содержали десятки прислужников, против которых, однако, не применяли хессена и не могли бы применять: феромон вызывает зависимость, и потому долго содержать даже двадцать рабов мало кому под силу. Вместо лангорских лап волю рабов-секкинцев ломали хлысты гэрских надсмотрщиков, чьи методы вполне удовлетворяли имперцев.

Разумеется, рабы восстали при первой возможности. Искрой, из которой разгорелся пожар, стало решение импера-

тора Фенхорда увеличить налог на землю; хозяева, стремясь покрыть убытки, увлеклись эксплуатацией. Поскольку лангоритов в колонии было гораздо меньше, чем людей, восставшие поначалу преуспевали; в отличие от гэр, к многовековой тирании которых секкинский народ привык и чье присутствие воспринималось как необходимое зло, лангориты вызывали у людей ужас и отторжение.

Лейворы, похожие на волков, кахтары, напоминающие гинен, кошки-аккоры и еноты-тикку... лангориты для секкинцев были не более чем животными, прикидывающимися людьми, и рабы в Земле долгой ночи, как называли местные Секкин, служили им только из-за страха, который развеялся, как только «дикие звери» стали терпеть поражения. Гэрцы же скоро уловили, куда дует ветер, и перешли на сторону восстания.

Тогда-то и взошла звезда Ринслейфа. С первых дней мятежа он со своим отрядом присоединился к борьбе и в жестоких сражениях прославился как человек бесстрашный и талантливый, став для секкинцев символом самоотверженности и истинного героизма.

Лидеры сопротивления оценили его выдающиеся таланты и приняли его в свой круг, но радость Ринслейфа была недолгой: если он еще, как говорили, «хранил пламя освободительной войны в своем сердце», то «День крови» – нет; герои долго не живут, и однажды настал день, когда среди его братьев по оружию появилась слабость.

Ринслейф очень хорошо помнил тот день, когда его захватили в плен.

Укрепленный командный пункт был так близко к фронту, что до него доносились крики раненых. Положение становилось все хуже, восставшие отступали, теряли технику и людей. С Ринслейфом был его лучший товарищ, с которым они прошли много битв и знали друг друга, как родные братья; во всяком случае, так думали окружающие и сам Ринслейф.

Цена ошибки высока. Наступление лангоритов сломило сопротивление повстанцев, битва превратилась в бойню; живых солдат наматывало на гусеницы танков, разрывало на части тучами боевых наноботов, их тела плавилась от термобарики и таяли от химикатов. Империя наступала по всем направлениям и везде побеждала, и когда Ринслейф понял, в чем дело, правда потрясла его до глубины души.

Его друг и брат был предателем.

Когда лангорские солдаты ворвались в штаб, он упал на колени и молил о пощаде, кричал, что всегда стоял за имперцев и что он признает их превосходство, но его крики потонули в грохоте выстрелов. Ринслейфу не было страшно; в конце концов, худшее, что с ним могло случиться – поражение, однако три минуты под лапой лангорита – конец хоть и мерзкий, но быстрый, и Ринслейф надеялся только, что успеет запьянеть от хессена и тошнота превратится в восторг... но вместо этого ему на голову надели черный мешок.

С того момента его жизнь превратилась в кошмар на-

яву. Его пытали почти беспрерывно, приемы становились со временем все изощреннее. От него ничего не требовали, просто истязали ради удовольствия или, быть может, мести; Ринслейф умел терпеть боль, но лангориты знали, куда бить: каждый день ему рассказывали о новых поражениях восстания и победах лангорской армии; это подчас было хуже, чем любые мучения плоти.

Повстанец держался много дней, но наконец его силы иссякли; он сломался и умолял всех вокруг убить его или хотя бы поработить, даже почти убедил охранника; боль и усталость победили гордость, но страдания продолжались, пыткам не было конца.

День за днем его мучили все новыми и новыми способами, но теперь унижения, которые он переносил тяжелее игл под ногтями и бессонных ночей, уже ничего для него не значили: он уже не просто не боялся их, а даже желал, ведь так у него была надежда, что кто-нибудь в порыве ненависти убьет его или подчинит.

И вот в один день все пытки вдруг прекратились. Все, кроме одной. Трибунал приговорил Ринслейфа к вечному донорству. Доноры лишены всякой связи с миром; они днями лежат без движения, пока в их телах выращиваются новые органы, которые затем идут на продажу; множество систем жизнеобеспечения не дают осужденным ни умереть, ни даже потерять сознание.

Поначалу герою казалось, что хуже того, что он уже пере-

нес, нет ничего, но недели, месяцы и циклы донорства показали ему, как он ошибался: его бичом неожиданно стала скука, и бесконечное безделье оказалось, пожалуй, самым жестоким из всех испытаний. Потому-то он легко согласился на предложение загадочного старика. Покой – мечта лангорита; человеку нужна жизнь.

Ринслейф хотел вздохнуть, но у него не было легких. В какой-то момент он понял, что скучает по своему прежнему телу, этой слабой мясной оболочке, в которой он родился и которую всегда считал частью себя. Все ощущалось теперь совершенно иначе; за время полета он успел привыкнуть к управлению доспехами, и все же в них было что-то непонятное, странное...

Совершенно чуждое.

Vinris Asrunt Limen

День войны – главный праздник Лангорской империи. Для лангорского родителя нет большей радости, чем узнать, что их сын погиб с честью. Вольнодумец и патриот, торговец и рабочий, щенок и старик – хотя далеко не всем довелось побывать на войне, ратные подвиги ценили все, поэты воспевали войну, художники посвящали ей полотна, девушки мечтали родить сына от солдата, а юноши – солдатами стать.

Точнее, так было раньше. Терну часто бывал среди недворян и знал, о чем они думают: еда, развлечения, отдых, работа. В жизни тех, кто каждый день под Звездами посвящает семье и мирной жизни, нет места для войн... и для семи принципов.

Заняв место в дворянской ложе, Терну окинул взором толпу, собравшуюся на Арене императора Мирагиста, где обычно отмечался День войны. Монархи выступали с речью, народ ликовал, в небо стреляли из пушек, запускали ядерные ракеты в космос. На каждом шагу раздавали традиционные лангорские сладости. Каждый раз праздник проходил одинаково, но всегда возбуждал массы: много ли нужно, чтобы веселиться?

Шеркен видел это уже много раз, но сегодняшней день был особенным: Хинрейв намеревался объявить о конце све-

та.

Фуркум уже сидел в ложе, мирно общаясь о чем-то с сидящей рядом знатной дамой-человеком с мягкой улыбкой на лице. Милые эти разговоры, по-видимому, доставляли ему неподдельное наслаждение, но лейвор его не понимал; он презирал слухи.

– Virkin alari, kerren, – сказал Терну. – Интересное время.

– Еще какое, – согласился Фуркум. – Императора любят не все, но угощения... Между прочим, наше производство. Инвестиции творят чудеса, правда, вчера ночью в Имуру отключилось питание, нам весь график сорвали, еле успели все подготовить. Говорят, хакеры.

– Вы и сладости тоже делаете?

– Спроси лучше, чего мы не делаем...

– Как вы так разрослись?

– Накапливать и приумножать. Почитай книгу «Бог денег», там все написано.

– Кто автор? – спросил Терну.

– Мой отец.

– Непременно посмотрю. А вот...

– Тише, тише! Зрелище начинается, – тикку передвинулся на край кресла. Терну посмотрел на императорскую ложу; там появился Хинрейв, его сопровождал Йовин Ранд. Из толпы, в которой рядом стояли люди и лангориты, раздался свист вперемешку с криками поддержки; правитель поднял руку, и наступила тишина. Под потолком загорелся огром-

ный экран, чтобы все могли видеть императора.

– Братья! – начал Хинрейв. – Арену, на которой мы собрались, построил один из моих великих предшественников, император Мирагист, прославившийся в веках своей доблестью и мужеством. Когда триста циклов назад весть о победах Мирагиста распространилась по Эртинуру, все народы устремились его меча, тщеславные властители людей бросали на Дикую орду своих лучших воинов, но они только орошали нашу землю своей кровью. Именно в те дни создавалось величие нашей славной Империи.

Народ одобрительно закивал.

– Но задумайтесь: три сотни циклов! Мы теперь совсем другие, а наши враги слабы, как никогда. Впервые в истории у нас появилась надежда примириться с человечеством, примириться на наших условиях и по нашему снисхождению. Я допустил людей в Кайлур, и вы приняли их, и вот они среди нас. Мы установили мир в своих границах, но это далеко не конец. Не так давно я говорил с фависом Федерации Юга, и у меня для вас хорошие новости! Они готовы сдаться нам.

По толпе пошел шепот. Император довольно улыбнулся.

– Посмотрите на того, кто стоит сейчас у меня за спиной. Йовин Ранд, первый человек в Кровавой стае. Поприветствуйте его! Кто, как не он, есть символ нашего нового мира? Я доверяю ему, как самому себе, и хочу, чтобы и вы доверяли так же... Ему и всему человечеству.

Из толпы раздались аплодисменты, их быстро подхвати-

ли все присутствующие; лишь в дворянских ложах стояло молчание. Фуркум хотел похлопать, но под подозрительными взглядами окружающих стыдливо опустил руки. Император жестом успокоил народ и продолжил:

– Но коль скоро мы избрали мир, пора прекратить войну. Границы больше не будут двигаться; нам не нужно чужого. В Империи всего в достатке, лишь милости ей не хватает – величайшего из богатств! Настало время перемен, которые сметут все порочное, что есть в нашей державе. Мы должны снести старый порядок, ни камня не оставить – да, император Синвер даровал нам семь принципов, но разве мертвые знают, что нужно живым? Вам трудно понять, просто поверьте: мы выстоим и победим...

Внезапно изображение на экране исчезло; его сменил белый шум. Волнение мгновенно охватило всех, и дворян, и простонародье, толпа зашипела, а сквозь помехи на экране тем временем проступило лицо в странной серебристой маске, отдаленно напоминающей крысу.

– Лангориты! – из динамиков полился мрачный электрический голос. – Вы считаете себя воплощенной добродетелью, поклоняетесь своим семи принципам и самим себе, словно вы боги; гордыня и высокомерие глубоко проросли в ваших душах, лангорский народ считает себя единственным хозяином всего мира. И между тем вы лицемерны...

– Прямая трансляция, – прошептал на ухо Терну агент службы безопасности. – Тилур Шеркен, неизвестный источ-

ник.

– Фёрхиллур в безопасности?

– В полной, он в Нигили Синвере.

– ...ибо вы говорите о дружбе, но не ее желаете; вам нужна победа, но не мир, – жуткий голос звучал все громче и громче. – Знайте: между нами нет различия. Мы такие же лицемеры и гордецы, как и вы. Подобно вам, мы не знаем отличия добра от зла и упиваемся своим невежеством. Поэтому я, jог Vurkulur, оплачу свое величие вашей кровью, исправлю историю, но не бойтесь: за это я явлю вам истину.

Выстрел.

Император Хинрейв посмотрел на дымящийся пистолет в руках Ранда, опустил взгляд на свою пробитую пулей грудь, коснулся раны; он не издал ни звука, лишь отступил на шаг и, перевалившись через ограждение, полетел вниз, на толпу, которая подхватила его и расступилась, опуская тело на пол.

А через мгновение огромная черная фигура, появившись с небес, схватила Йовина Ранда и понесла его ввысь; охранники, только придя в себя, открыли огонь, но человек скрылся из виду так быстро, что они не успели даже разглядеть того, кто его поднял. Терну вскочил с кресла и побежал вниз, к императору. Потрясенные дворяне не шевелились, на арене же царил хаос.

Тилур Шеркен вскоре сам ощутил прелести давки: чтобы подойти к телу, пришлось протискиваться сквозь бушующий народ. Там, спокойно разглядывал мертвого правителя, уже

стоял генерал Аффери; Терну поразился его сдержанности.

Он опустился на колени рядом с императором, но его тут же оттолкнули врач и двое санитаров, которые погрузили труп на носилки; охранники стали расталкивать зрителей, чтобы расчистить медикам путь, им приходилось бороться с толпой, которая колыхалась, словно море, охваченная смесью страха, возбуждения и любопытства; слышались сирены, в небе пронеслись два истребителя.

– Jekkenihore, – сказал Терну, перекрикивая гул, – что это было?! Кто такой этот Вуркулур? Великие Звезды...

– Враг... – холодно ответил Аффери, доставая из кармана сигарету. – А я предупреждал, что это плохо кончится...

– Что теперь?!

– Мурин станет императором, но он слишком молод, будет регент, это точно. Пока что руководство переходит ко мне. Собирайтесь в зале Императорского совета, там все обсудим. Сейчас не время.

Ровно через три часа Совет и лучшие дворяне Империи собрались в огромном зале в Нигили Синвере, откуда открывался потрясающий вид на город. Уже стемнело, из окна были видны полыхающие беспорядками улицы Хорд Лангора, в этот день удивительно похожего на тюремный город Дрё Серно.

То тут, то там вспыхивали зажигательные бутылки, раздавались взрывы и стрельба. Человеческие погромы охватили

всю Империю, отчеты о столкновениях приходили с самых дальних ее концов. Департамент нравов, лангорская полиция, старался не вмешиваться; многие его члены в эту ночь сами сбросили форму и, взяв в руки ножи и топоры, отправились расправляться с низшей расой.

– Страшно, правда же? – сказал Фуркум, глядя в окно широко открытыми глазами. – Какая жестокость.

– Их можно понять, – сухо ответил тилур Шеркен, – я бы и сам поучаствовал.

– Не стал бы, – тикку улыбнулся. – Мы выше этого, разве нет?

– Sin risagon, Фуркум. Я одного не понимаю, Ранд был одним из нас, человеком, да, но я никогда не чувствовал лжи. Дурак, как можно было ему доверять...

– Брось. Нельзя подозревать всех, так и с ума сойти недолго. С самого прихода Хинрейва стабильность была безупречной, никто и подумать не мог, что такое вообще возможно. Даже сам император ему доверял, ты ни при чем.

– Ты не понимаешь... – вздохнул Шеркен. – Пару дней назад нас отправили на задание, и вскрылось кое-что очень важное, более того, затрагивающее лично Ранда, а я, глупец, доверился ему и понадеялся, что он сообщит в Ставку...

– Он и сообщил, – перебил генерал Аффери; он появился у них из-за спины, дымя сигаретой. – Я, разумеется, приказал «Воронам» изучить дело. Проблема в том, что среди них тоже, как оказалось, полно людей. Слишком много.

– Значит, на них нельзя полагаться?

– Конечно нет. Я распорядился арестовать и проверить всех meurkiinen в правительстве и службах безопасности. Император развел там столько паразитов.

– Все ради нового порядка, – Терну покачал головой.

– Мечтатели... – раздражился Аффери. – Презренное племя.

Настало время начинать заседание. Генерал сел во главе стола, рядом с ним расположился Мурин; он с любопытством разглядывал всех присутствующих; Терну он узнал и даже кивнул ему. Когда все заняли свои места, Первый командующий встал, достал изо рта сигарету и, заложив свободную руку за спину, заговорил.

– Благородные тилуры! – начал он. – Против нас было совершено чудовищное преступление. Противник покусился не на жизнь благородного императора Хинрейва, aideris khestet, но на гордость Империи и славу высшей расы. Благодаря прозорливости нашего павшего правителя трон не остался без наследника; фёрхиллур Мурин Кейлору Вайгерис цер Нигили Синвер возглавит нашу державу в эти трудные дни. Сейчас, однако, за молодостью и неопытностью кержена я, jekkenihore шендор Гердшер Киорго Аффери цер Саран Мурндар, Первый командующий Дикой орды, волей императора Синвера и законом лагоритов назначен хранителем престола с этого момента и до того дня, когда khergen достигнет самостоятельности. В связи с этим я принял решение

расширить полномочия Совета и преобразовать его в Круг регентов, который станет направлять правление императора Мурина и возвращать в его душе истинную добродетель. Детальные указы будут опубликованы в ближайшие дни. Кроме того, мы немедленно приступим к подготовке коронации. Вопросы?

– Каковы наши дальнейшие действия в отношении Вуркулура? – спросил неприметный военный с другого конца стола.

– Найдем и выпотрошим как свинью.

– И как вы собираетесь это сделать, генерал? – спросил Терну.

– Просто, – с легкой ухмылкой ответил Аффери. – Поскольку вы были последним гвардейцем, с которым встречался Ранд, это задание поручается лично вам, тилур Шеркен.

Терну послушно кивнул; в эту минуту он был готов отдать что угодно, чтобы только узнать, что заставило Йовина Ранда предать Империю. Самые очевидные причины лежали на поверхности, но дворянин отказывался верить, что его бывшим боевым товарищем двигала только ненависть, которой за ним никогда не замечали.

– Sint himmur, riihore, – ответил лейвор. – Что дальше?

В комнате воцарилось молчание, даже генерал Аффери опустил взгляд. Никто, очевидно, не ожидал подобного развития событий; многие ли могли представить, что нечто та-

кое произойдет в Лангорской империи, державы, в чьей власти находилась половина мира? Все знали только одно: на их глазах делалась история.

– Благородные тилуры, – вдруг сказал Мурин, – я не так много понимаю, я еще щенок. Я теперь император, правильно? Значит, я должен вдохновлять всех, всю Империю. У меня появилась идея, не сердитесь, если она вам не понравится. Давайте я выступлю с обращением к народу. Может, я не один его составлю, но надо, чтобы все знали, что у них есть правитель.

– Мудрое предложение, khergen, – произнес тилур Сейдонт, старый чиновник, – но вам предстоит принять много трудных решений. Народ жаждет крови.

– Генерал обещал помочь мне, для этого, наверное, и нужен этот Круг регентов. Я буду внимательно слушать и приму решение, учитывая их мнение. Все правильно? – молодой император вопросительно посмотрел на Аффери. Тот молча кивнул.

– Все, кроме членов Совета и императора, покиньте комнату, – приказал он. – Остальные вопросы мы обсудим в узком составе.

Аристократы повставали со своих мест и направилась к выходу. Терну уже стоял у дверей, когда Аффери вызвал его из толпы.

– Шеркен-риву, С этого момента я наделяю вас абсолютными полномочиями, – сказал он. – Делайте все, что необ-

ходимо. Ваша цель – казнить Вуркулура и всех причастных к нападению любой, повторяю, любой ценой. Убивайте, пытайте, поработайте. Все дозволено.

– Sint himmur, – ответил Терну, – но я не детектив. С чего предлагаете начать?

– Вы помните, как сбежал Ранд?

– Его захватила... черная фигура.

– Наши аналитики полагают, что это бронекостюм с системой камуфляжа, причем более совершенной, чем «черный ящик», даже Laikont не в состоянии его отследить. Очевидно, Вуркулур получает серьезную поддержку извне. Что до Ранда, то он избавился от глазного протеза, через который мы могли бы наблюдать за его перемещениями, так что теперь нам остается рассчитывать только на себя и систему розыска Laikont.

– В таком случае у нас нет зацепок.

– Есть. Иногда живые глаза видят лучше механических. Очевидцы в пригородах утверждают, что в их районе появился некий объект, направлявшийся на восток, в Секкин. То же говорят в Сирил Муруме... но не в Рикиве, а также ни к северу, ни к югу от нее. Учитывая приблизительную скорость объекта и траекторию движения, можно сказать, что он уже должен был давно пролететь Рикиву и пересечь реку Ирунаго. Плотность заселения в регионе и высота полета объекта таковы, что маловероятно, чтобы его не заметили с земли. Несколько часов назад там была хорошая погода.

– Значит, он должен быть где-то между Сирил Мурумом и Рикивой. Единственный крупный город... Норо Сардент, столица Секкина. Там Ранду будет легко скрыться.

– Вот именно, если, конечно, он собирается скрываться.

– К кому там обратиться? Если «Воронам» мы уже не доверяем...

– Есть еще кое-кто. Верлон Милури Кихирихиннон цер Кахтарин...

– Аристократ?

– Наркоторговец. Отвратительный персонаж, но у него есть обширнейшая сеть информаторов, охватывающая весь Секкин, и он работает на нас. Вы найдете его в районе Анна-го, любой местный раб подскажет, где конкретно. Вам придется изрядно покопаться в грязи, но, как известно, там бывает жемчуг.

– Обычно нет, – вздохнул Терну.

Несколько часов спустя самолет тилура Шеркена приземлился в аэропорту Норо Сардента. Город уже погрузился в ночную темноту, его яркие огни играли на мокром от дождя покрытии; ясные дни не задерживались в колонии надолго.

«Восточный Хорд Лангор», откуда управляли Секкином, тем не менее, мало чем напоминал имперскую столицу. Улицы озарял зеленый свет от ярких, но скромных вывесок. Здесь не было шпилей и огромных флагштоков, широких улиц и летающих автомобилей. Норо Сардент более, чем лю-

бой город метрополии, сохранил свою старину; заброшенные кирпичные дома, пустые парки, дышавшие загадкой, черные от старости люки посреди мощеных улиц...

Норо Сардент выглядел романтической провинцией, и Терну, привыкшего к размаху Кайлура, в первые минуты поразило, как этому сонному городу удавалось так скрывать свою огромность, но стоило его машине свернуть с главной улицы, как достопримечательности и неон пропали из виду и начались бескрайние трущобы.

Остановившись в небольшом отеле на окраине, где постоянно пахло дымом и плесенью, Терну бросил на пол кейс с Finu Laikont, которую ему выдали специально для этой миссии, лег на ветхую кровать и погрузился в размышления.

На следующий день он намеревался отправиться в печально известный район Аннаго, сердце преступного мира Империи. Секкин так и не отстроился после войны; хотя центры городов привели в порядок, огромные территории, в том числе Аннаго, лежали в руинах, а где не убирают, заводятся крысы.

Лейвор был даже немного заинтригован. Окружающее убожество казалось ему красивым. С самого детства он жил в роскоши, и она уже не возбуждала его ума; порой Терну даже мечтал о бедности, которой никогда не знал, праздность возбуждала желание погрузиться в тяжелую, измощающую работу, как та, которой в колониях занимались люди и не очень удачливые лангориты. Какая-то загадочная сила тяну-

ла его в грязные подворотни, подозрительные забегаловки и нищие кварталы, где воры и наркоторговцы заменяют Департамент нравов.

Мысли Терну вернулись в Хорд Лангор, к телу императора. Смерть – закономерный процесс, знал Шеркен, но лангорская гордость трепетала в нем, и он был задет; любой, кто покушался на кергена, семь принципов, облаченные в плоть, становился врагом всякого имперца. Убийство монарха – невиданная дерзость...

У Хинрейва было много врагов, хотя об их личностях и мотивах тилур Шеркен имел смутное представление; за ними должны были следить «Вороны», а они умели хранить секреты.

Sigu Sinvist

Когда тилур Шеркен добрался до Аннаго, находившегося на другом конце города, уже начало смеркаться. Даже среди всепроникающего развала Норо Сардента район выглядел скверно: прямо на узких улицах этого трущобного лабиринта покосившихся от ветхости зданий, смердя, лежали пьяные и больные, со всех доносилась отвратительная влажная вонь, где-то неподалеку жарили тухлое мясо и жгли резину. Вдалеке раздавалась стрельба.

Терну шел несколько минут, прежде чем увидел кого-то, хоть отдаленно напоминающего трезвого человека. Это был мужчина циклов сорока на вид, одетый в рваную рубашку, измазанную в грязи; во рту он держал старую сигару, какие в Кайлуре забыли десятилетия назад. Он полусонным взором посмотрел на лейвора, кашлянул и заговорил.

– Что-то от меня надо?

– Как ты догадался? – с издевкой спросил Терну.

– В этих краях мало ваших водится.

– Неужели?

– Вы, зверье, не любите счастье, иначе вас были б тут толпы, толпы, говорю тебе. Только один, этот... как его... в общем, ошивается тут постоянно, – человек махнул рукой в сторону.

– Расскажи-ко поподробнее, – Терну присел рядом с ним и сразу же ощутил мерзкий запах мочи и алкоголя, исходящий от мужчины.

– Я тебе не это, не поэт, мне-то какая радость?

– А если... – у Терну промелькнула мысль воспользоваться хессеном, но марасть лапы ему не хотелось; он вынул из кармана старую монету – в Кайлуре такими уже почти не пользовались, зато в колониях наличность всегда ценилась, – я дам тебе... два стилфанга?

– Три.

– Два, – настоял Терну. – Рассказывай.

– Два так два. Я... ну, я у него покупаю яд, больше ничего не знаю. Он тиннури там продает, искусственный хессен, исинт. Отличная дурь, вообще безотказная. Я вот что скажу, хочешь хорошо расслабиться, возьми пакет тиннури и разбавь...

– И давно он тут?

– Давно-о-о. Он меня подсадил. Цикла четыре, наверное, да, у меня жена ушла в шестнадцатый цикл Фехронда... Она гуляющая стерва, а я чего? Я думаю, если она меня любит, то пусть только меня, ну и заревновал ее к одному парню, а он взял и увез ее в столицу, рабами в хорошем месте стать хотели. Сына с собой она забрала, я не поехал, пошел сюда, ну и мне этот торгаш предложил попробовать. Я думал повеситься, но эта дрянь меня вытащила... Смешно, не?

Терну уже не слушал; он только брезгливо фыркнул и на-

правился туда, куда показал человек; наркоман долго смотрел ему вслед, затаившись сигарой.

Спустя еще несколько минут блуждания по трущобам Аннаго Шеркен наконец добрался до цели: он оказался в захламленной комнате на третьем этаже мрачного бетонного здания, по-видимому, недостроенного, но вполне обжитого.

Посреди комнаты находился металлический стол, рядом с ним был столик поменьше, на котором в грязной миске лежали хирургические инструменты и шприцы. За столом стоял болезненного вида худощавый светло-серый лейвор в грязном белом халате.

– Посмотрите, какие у нас гости, – сказал он, как только Терну толкнул дверь, чтобы войти.

– Мы встречались? – удивился Шеркен.

– Конечно нет, у меня мало знакомых, – ухмыльнулся лейвор в халате, – но раз вы по делу, то, должно быть, большая шишка. Слухи здесь разносятся быстро... Но о чем я. Приветствую в мире нездоровых удовольствий! Меня зовут Верлон...

– Верлон Кихирихиннон, в прошлом аристократ, ныне наркоторговец. Я знаю.

– Грубо. Я предпочитаю «продавец счастья». У меня и для вас что-нибудь найдется, jenei...

– Tilaur Шеркен, – сказал Терну. – На задании из столицы.

– Какая неожиданность. Обычно столица сообщает заранее... хотя я уже догадываюсь, можете ничего не говорить.

До меня дошли радостные новости.

– Радостные? Империя обезглавлена.

– Нет, йеней Шеркен, все не так просто. Император Фенхорд поддерживал мою работу. Ведь вы понимаете, какой огромный вклад такие, как я, вносят в сохранение нашей Империи?..

Фенхорд верил только в принципы и не гнушался ради державы никаких злодеяний; при нем наркоторговля в колониях безостановочно росла и к последнему циклу достигла небывалых масштабов: зависимые аборигены весьма послушны. Имперские торговцы разлагали народы и, имея связи в преступном мире, легко узнавали об угрозах лангорской власти.

– ...Но благородный Хинрейв очень возражал. Видите ли, то, что мы делаем, оказывается, жестоко и безнравственно. А я ведь следую правилам, все делаю в интересах государства... уважаю семь принципов... и первый вынуждает меня его ненавидеть.

– И мне есть за что, – Терну покачал головой, – но я предпочитаю четвертый. Зачем инструменты? На химикатах мало зарабатываете?

– Это... увлечение, – сказал Верлон, поигрывая скальпелем. – Мне нравится помогать обездоленным, если есть время, можно иногда и порезать кого-нибудь. Я любитель, не всегда хорошо получается, они иногда кричат, когда я их вскрываю, но потом всегда успокаиваются.

Терну поморщился, но сдержал отвращение; ему хотелось поскорее закончить и покинуть это ужасное место.

– Это порочно, но я здесь по другому делу, – прохладно заявил он. – Генерал Аффери утверждает, что у вас много информаторов, вижу, он знает, о чем говорит. Мне нужно все, что у вас есть на объект, приземлившийся в Норо Сарденте.

– А, это. Чего только о нем не рассказывают, только никто на самом деле ничего не знает или, по крайней мере, не говорит. Правда, мне все-таки кое-что известно. Бармен из «Гнили»...

– «Гнили»?

– Нравится название? Я придумал, – захихикал Верлон. – Мое заведение. Так вот, бармен видел незнакомца, а в нашей-то грязи, йенай Шеркен, все друг друга с одного взгляда узнают. Вот он его и запомнил, этого новичка, а тот переговорил с бандитом из «Мышей Норо Сардента» и скрылся.

– Кто такие эти «Мыши»?

– Большая человеческая банда. К слову о них... Как насчет сделки?

– Сделки?

– Знаете, что бывает, когда два голодных зверя видят добычу? Они не делятся, нет... Они убивают друг друга. Голод сильнее разума.

– Хотите убрать конкурентов, да? Кровавая стая этим не занимается, – сказал Терну. – Я не наемник.

– О, но разве шестой принцип не предписывает быть взаимным? Ведь вы просите меня о большом одолжении. Информация теперь в цене, вы ведь сами слышали, сколько дают в Федерации за хороший компромат. Не хочу отставать от времени.

– Ваши интересы очень обширны, – усмехнулся Шеркен, – зачем вам все это? Вы получали бы гораздо больше, сохрани вы титул.

– Дворянство – это такая чепуха. Если бы дело было в деньгах... Тилур Мурдикин получает доход в пятьдесят миллиардов стилфангов, я – едва ли сотню тысяч, но я предпочитаю быть собой, а не тилуром Мурдикином, а знаете, почему? У вас скучно! Здесь куда лучше. А деньги – что деньги? Они ничего не значат.

– Чем вам так понравился Аннаго? – спросил Терну; у него уже были некоторые смутные догадки, которые Верлон немедленно подтвердил.

– Грязь! – наркобарон бросил скальпель на стол. – Страсть и пламя жизни. В ваших дворцах все ненастоящее. О, как же мерзко, когда все лицемерят и прикидываются, и как смешно: все одержимы честью и чистотой имени! В Аннаго все совсем по-другому. В этих трущобах есть истинная боль и истинная радость, жизнь идет естественно, а не так, как хочет протокол. Вдали от неоновых улиц я построил царство искренности.

Романтика грязи представлялась аристократу несколько

иначе, но он к своему удивлению понял, что согласен; где-то в подсознании при этом вертелась мысль, что такое отступничество нарушает четвертый принцип, «чти порядок».

Скука принимала среди избранных все больше извращенных форм, и с ней рано или поздно сталкивался любой дворянин, кроме тех, что проводили все свое время в битвах и путешествиях. Терну знал это не хуже Верлона; аристократские беседы о войне – с этого обычно начинались светские разговоры – быстро ему приелись, а любовь и сплетни его не увлекали.

– В ваших словах что-то есть, – сказал он, – но ведь и вы лицемер, нет? Говорите, вы продавец счастья? Но ведь тиннури делает людей рабами первого встречного, а что ждет, когда эффект пройдет? Стыд и унижение, что уж говорить об искусственном хессене...

– Вы не знаете людей, они не такие, как лангориты, вы удивились бы, если бы узнали, как они устойчивы к позору и насколько им легко забыть о гордости. Нам не понять людских удовольствий, но значит ли это, что их нет? Сомневаюсь. Они слабы, и всякий раз после этого «стыда и унижения» они приходят ко мне... нет, не мстить – умолять дать им еще дозу, а затем еще и еще, и так до тех пор, пока не содохнут в своем темном подвале. Как видите, никакого лицемерия, – Верлон поднял руки. – Они просят, я даю. Все честно.

– Вы сами-то хоть верите в то, что говорите?

– Ну разумеется нет.

– Теперь понятно, как вы здесь оказались; вы погрязли в пороке.

– Я верю в естественность, и нет ничего естественнее пороков. Гордыня возвышает, гнев освобождает, двуличие дает успокоение; о, все мы рождены порочными. Каждый из нас от первого вздоха тонет в капризах и прихотях, и чем больше мы получаем, тем больше хотим. Скверно, скажете вы, а я скажу – прекрасно! Семи принципам не под силу это изменить.

– Неверие в принципы – преступление, йенай Кихирихин-нон.

– Несоблюдение, – поправил Верлон и загадочно улыбнулся. – Вы скоро увидите ошибочность синверовских идей, и следовать им тогда станет гораздо проще. В них полно противоречий – мечта лицемера! Но как хотите, мы зря отошли от темы. Я предлагал вам сделку.

– А я говорил, что я не наемник.

– Это очень выгодная сделка.

– Что я получаю?

– Моральное удовлетворение! Нельзя сначала попросить помощи, а потом не отплатить. Неблагодарность противна шестому принципу. Ну же, *sin risagon!* И потом... я ведь не все рассказал. Есть интересные подробности, и, кстати, очень важные.

– У вас есть долг перед Империей.

– Но не перед императором и не перед вами, йеней Шеркен. Мне вот очень любопытно, вы этим потому занимаетесь, что вам приказали, или потому, что сами хотите?

Бессмертный рыцарь ожидал другого.

В его отсутствие Норо Сардент очень изменился. В годы детства Ринслейфа Суисундхар – так называли по-гэрски столицу Секкина – был милым небольшим городком, где матери не боялись отпускать детей гулять одних по вечерам; у гэрских рабовладельцев были свои правила, которые они никогда не нарушали. Во времена независимости, как говорили, такой была вся страна; с приходом имперских войск атмосфера всеобщего благоденствия улетучилась, точно ее сдуло ураганом, и Норо Сардент погрузился во мрак.

В этом Ринслейф и вырос.

Рыцарь помнил дни, проведенные в кафе на главной улице; его хозяева содержали много рабов, которых ленились подчинять, и иногда невольники дожидались момента, когда в них исчезнет потребность, и собирались там вместе, чтобы обсудить зверства надзирателей и утешить друг друга. Пролетая над городом, он заметил, что кафе все еще на месте, и удивился своему бесчувствию, странному, потому что умом он осознавал, что никогда там не побывает: у тела нет ни рта, ни желудка, да и местные никогда не признают в черном гиганте в доспехах маленького мальчика, любившего яблоки.

Теперь у него были другие заботы: надо было укрывать

человека, с которым он не был знаком, в городе, который едва узнавал. Вопрос, откуда взялось безразличие, не давал Рыцарю покоя, но он пытался сосредоточиться на задании.

Его клиент, мужчина с повязкой на глазу по имени Йовин Ранд, оказался молчаливым типом: за весь полет он не проронил ни слова, а на земле только коротко отвечал на все вопросы и отдавал команды, куда идти. Человека-машину это смутило, но он решил, что Ранд, должно быть, просто очень серьезно относится к своей миссии.

Мысли Рыцаря вертелись вокруг произошедших событий. Зачем нужно было убивать императора? Конечно, Рыцарь и сам с удовольствием сделал бы это: он ненавидел трон и все, что с ним связано. За свою жизнь он видел правление трех императоров, и каждый был плох по-своему: Лаварунарис был жадным, Фенхорд – жестоким, а Хинрейв... Хинрейва он не знал.

Тем не менее Рыцарь прекрасно понимал, что те, кто прикидывается друзьями, часто неискренни и опасны, а мертвый правитель казался ему именно таким. Понимал он также и то, что его руководители имели сложный план, суть которого была ему недоступна. Это не был простой теракт: те, кто способен вытащить заключенного из Дрё Серно, не могли быть настолько глупы, чтобы надеяться, что убийство императора сломит Империю. Старик в сером знает, что делает, в этом Рыцарь был уверен полностью.

Йовин Ранд заговорил, лишь когда они добрались до ме-

ста назначения – унылого подвала под огромным грубым зданием-муравейником из серого бетона, занимавшим, казалось, целый квартал; такие в имперских колониях – лангориты называли их *garhurren murku*, или «домами грусти» – строились повсеместно и служили высотной версией трупп.

В подвале было темно и почти отсутствовала мебель: на полу стояли лишь диван и стол, а на нем – какая-то черная коробка. «Будто бы специально выбирают самые скверные места», – подумал Рыцарь и рассудил, что подполье, должно быть, стремится таким убожеством закалить волю своих последователей; «День крови» поступал так же. Циклы войн приучили Ринслейфа к лишениям, и, будь его тело живым, он мог бы спать на холодной земле и питаться насекомыми.

Рыцарю было неприятно копать в этой трясине общества и прятаться в затхлых подвалах; человеческая его природа как бы шептала ему на ухо, что их гораздо сложнее было бы найти в роскошных апартаментах на верхних этажах какого-нибудь небоскреба, чем там, куда стекаются все преступники Норо Сардента...

– Успех, – устало сказал Йовин, опускаясь на диван. – Я все сделал.

– Меня до сих пор не посвятили в план, – Рыцарь попытался создать эффект недовольного вздоха.

– Как и меня, – человек печально посмотрел на него. – Нам незачем знать суть плана.

– Тебя могут поработить и допросить, – возразил железный солдат, – но со мной это не работает.

– Laikont может взломать тебя и похитить твои базы.

– Laikont? Я не видел здесь ни дронов, ни камер, ничего...

Внезапно комнату наполнил туман. Вытекая из коробки на столе, он уплотнялся, и вскоре стало трудно даже разглядеть стены. Затем ящик засветился, по туману забегали геометрические фигуры. Рыцарю эта технология создания голограмм была знакома; она появилась еще до войны и уже давно устарела.

На тумане проявилась размытая проекция высокой фигуры. Это был человек в длинной серебристой мантии, доходившей до пола и шлейфом тянувшейся по земле; на голове у загадочной голограммы был шлем-маска, напоминающий стилизованную крысину морду. Вокруг фигуры, словно мошки, роились красные ромбы. Рыцарь сразу догадался, кто это...

– Все верно, – тяжелым металлическим голосом сказал незнакомец, – присутствие Laikont здесь минимально. Благодаря войне в Ситтирано Империя лангоритов не успела распространить свою систему безопасности на Секкин; поэтому мы здесь.

– Вуркулур, – сказал Рыцарь.

– Да, это я. Защитник человечества. Ваши успехи очень радуют меня.

– Посвятите нас в план.

– Я говорил, что намереваюсь явить миру истину; если будете внимательны, то рано или поздно вам станет известна суть происходящего. Война не дает отдыха; сейчас время приказов. Бессмертный рыцарь должен немедленно вернуться в Хорд Лангор и продолжить миссию. Для Йовина есть особое задание.

– Что я должен делать? – спросил человек.

– Друзья человечества в Секкине еще могут помочь нашей борьбе. Пусть они внесут свой вклад в общее дело... у них мало времени.

Вуркулур и Ранд продолжали разговор, но Рыцарь, получив приказ, не видел смысла задерживаться. Выйдя из подвала, он взмыл в небо и понесся в обратном направлении, не беспокоясь, что его заметят: на фоне черных туч его было невозможно увидеть с земли, и он смог расслабиться и погрузиться в размышления.

Кто такой Вуркулур? Чего он хочет? У Рыцаря были только предположения. Участвуя в событиях, переворачивающих мир, он не просто не знает собственного плана – ему оставались неизвестны даже цели! И, что хуже, никто не хотел его просветить. Человеку, отказавшемуся от жизни ради битв, в сущности, было все равно – хорошо все, что вредит Лангорской империи.

Только вот...

Arin Sauris

Желтые цветы колыхались, подгоняемые холодным виртуальным ветром.

Терну открыл глаза. У Фуркума были прекрасные виртуальные дизайнеры; лейвор даже немного завидовал им, потому что сам никогда не умел рисовать и не мог научиться; горе дворян в том и заключалось, что их учили только тому, что нужно державе, и все пути в итоге сводились к службе Империи.

Сам Фуркум, конечно же, тоже был здесь.

– Как тебе? – мило улыбаясь, сказал он. – Чувствуй себя как дома, можно расслабиться.

– Немного пустовато, – ответил Терну, – но здесь хорошо... спокойно.

– Этой мой маленький милый мирок, да. Иногда же надо где-то отдыхать!

– Что ты хотел?

– Мне просто стало скучно.

– Забавно, все как настоящее, никак не привыкну. Мы, должно быть, очень далеко от своих тел... Где, кстати?

– Сервер Xergreiv Khorgest в окрестностях Саран Мурндара. Ладно, рассказывай, как у тебя прогресс.

– Сперва расскажи, что происходит в столице.

– Большое кровопролитие. Аффери-гиро много голов уже снес и еще больше собирается, от «Воронов» почти ничего не осталось, высшее руководство сослали в Дрё Серно, рядовых перевели в другие структуры, людей всех казнили. Такое чувство, будто это император Деттерон восстал из мертвых.

– Генерал хочет ублажить массы? Никогда не поверю, что все они участвовали в заговоре, – усомнился Терну.

– Естественно. Нам пришлось придумать историю про заговор среди «Воронов», чтобы унять буйство СМИ. Ты только почитай передовицы, там такие заголовки! Стреляться хочется. Все заполнено домыслами и спекуляциями, никакой этики... Все как мы любим.

– Собираетесь вести расследование втайне от населения? Умно, с моей стороны утечек не будет.

– Очень надеюсь. Насилие принимает угрожающие масштабы, Терну-гиро. Каждый вброс в СМИ приводит к беспорядкам. Людей ненавидят все, в Совете разные разговоры ведутся. Теперь хотя бы поле для фантазии сузилось, стало чуть спокойнее... но вряд ли надолго.

– У Совета есть конкретный план?

– Есть наброски, но я не могу тебе рассказать, Терну; это вопрос из той же области, что и состав Совета – Круга регентов, то есть. У нас два правила: не раскрывать свой полный состав и держать секрете недоработанные планы.

– Если бы ваши тайные члены не скрывались, я полагаю, расследовать было бы куда проще.

– А вот представь, что кто-то попытается совершить переворот. Кто попадет под удар первым? Совет, конечно же. Поэтому директор Департамента и прочие остаются в тени.

– Тогда прятались бы все вместе.

– Мы же должны как-то общаться с населением. Те из нас, кто имеет символическое значение, как Аффери или я, остаются на виду... Все-все, теперь твоя очередь.

– Я встретился с Верлоном Кихирихинноном. Занятный персонаж. Он говорит, его источник видел незнакомца; вероятно, это наша цель, но мне надо убедиться. Больше он ничего не сказал, требует, чтобы я помог ему разобраться с какой-то местной бандой.

– Ты, конечно же, отказался.

– Я не в том положении, чтобы отказываться. Таких, как он, бесполезно пытаться, а спорить с ним у меня нет времени.

– Понятно, – Фуркум ненадолго задумался. – Кихирихинноны раньше были влиятельной семьей, но вот, как видишь, с наследником не повезло. Плохо инвестировали. Грустно, грустно.

– Он утверждает, что, покинув свет, избавился от лицемерия, – Шеркен неодобрительно помотал головой. – У него все запущено.

– Верлон всегда таким был. Как он, по-твоему, пал с нашего аристократического неба? У них династия ученых, ставили всякие эксперименты, дед, говорят, занимался медицинскими наноботами. На наследника возлагали большие

надежды, но он заигрался, в итоге его застали за попыткой скрестить человека с лангоритом. Жуть, и Xergreiv Khorgest в лице моего отца тоже так подумала. Финансирование урезали, ну а дальше покатилося... Говорят, там и Зрячий руку приложил.

– А есть он, этот Зрячий?

– Ну, я в него верю. И немного побаиваюсь, честно сказать. Слушай, Терну-гиро... как думаешь, кто это сделал? Кто убил императора?

– Вопрос в том, зачем, – ответил Терну. – Узнаем мотив – найдем виновных. Только я знаю немногим больше твоего...

– Естественно, но все-таки?

– Подозреваемых много. Нет явных причин сомневаться в словах Вуркулура. Люди вполне могли воспользоваться расположением Хинрейва и нанести удар, они это умеют, особенно если им помогли из Федерации, но непонятно, зачем это Ранду. Он никогда не был за людей. Конечно, наверняка есть связь с этим его братом, только какая?.. Впрочем, нельзя исключать, что в этом деле замешан кто-то со стороны. Если это так, мне к ним пока никак не подобраться, поэтому придется работать с тем, что есть. Я хочу знать все.

– На твоём месте я думал бы так же, – рассмеялся тикку. – Постарайся, Терну-гиро. От успеха твоего расследования зависят мои инвестиции, ну и будущее Империи, само собой. Обещаю любую помощь, ты только обратись. К слову, что теперь будешь делать?

– Я изучил «Мышей Норо Сардента», эту самую банду. Продают то же, что и он, только без лицензии. У имперского правительства есть договор с Верлоном, согласно которому его деятельность не должна подрывать экономику колонии.

– Слышал о таком.

– С «Мышами» договора нет, а в базе «Воронов» сказано, что у них могут быть связи среди гэрских партизан.

– Вроде ведь не осталось их, – удивился Фуркум, – зачистили всех.

– Видимо, не всех... – сказал Терну. – Здесь нездоровая атмосфера. Не такая, как раньше. Помнишь, мы ездили в Секкин за пару циклов до войны? Тогда было гораздо лучше. Нет никакого недовольства, только отчаяние, местные будто сами стремятся попасть в рабство.

– А как иначе? У них же нет будущего, мы отняли... Я могу как-то помочь?

– Нет, – ответил лейвор.

– А ты уверен, что этому Верлону можно доверять?

– Кихирихиннон возмутительно лицемерен, но сомневаюсь, что он рискнет. Конечно, он может попытаться меня обмануть, но это было бы преступлением против Империи со всеми вытекающими. Едва ли ему хочется оказаться в Дрё Серно.

– Такая уверенность, – захихикал тикку, – в бизнесе, скажу тебе, очень подводит. Вот когда я только получил руль корпорации в свои лапы, много всяких глупостей наделал,

однажды даже чуть все дело не развалил. Я тогда на бота положился, слышал ведь, до Laikont это было в моде, а бот, гад такой, оказался зараженным...

– Без уверенности нет дела, – заметил Терну. – Звезды уже все решили.

– Разве тебе не любопытно, что именно?

– Очень.

– Они могли повернуться к тебе спиной, так сказать. Что тогда?

– Будь что будет.

– Странный ты, меня бы не хватило на такое. Слишком уж это неприглядная перспектива – тоже ведь своего рода рабство, этот фатализм. Я лучше сделаю вид, что все хорошо и что будущее можно менять. Так намного, намного лучше.

– Можно сколько хочешь прятаться от правды, – полушутливым тоном произнес Терну и опустил веки, – но в итоге она все равно тебя настигнет.

– Что правда? – вздохнул Фуркум, – в ней мало радости.

– Та-а-ак, кто у нас тут, – злобно ухмыльнулся покрытый татуировками мужчина, главарь «Мышей Норо Сардента». Он говорил с гэрским акцентом, крепким, как исходящий от него запах спирта; все его мускулистое полуголое тело было покрыто шрамами. Именно так представляли обычно закоренелых преступников в плохих сериалах, но Терну и подумывать не мог, что такие действительно существуют. Человек

продолжал:

– И зачем ты здесь, зверь?

– У меня к вам дело.

– Неужели? Имперец, что ли? А что императору нужно от нас? Подожди-ка, он же сдох! – захохотал наркобарон. – Сдох, как грязная собака! Или вам помочь его закопать? Мы с радостью...

– Если хотите встретиться с императором, – огрызнулся Терну, – можно устроить.

– Ну, ну, смотри-ка, какой дерзкий, – преступник повернулся к одному из своих телохранителей, таких же амбалов, как и он сам, – но мне такое даже нравится. Ты, должно быть, совсем не ценишь жизнь, если являешься сюда вот так. Знаешь, кто я, правда?

– Знаю, только чего мне бояться?

– Надо же! Ну-ка объясни.

Терну осмотрел помещение, грязный склад, расположенный на западной окраине района Аннаго; таких в Норо Сарденте был не один десяток, но этот в убожестве и изрисованности превосходил все остальные. Стены покрывали нечитаемые гэрские граффити. «Мыши» чувствовали силу и не только не скрывались, но даже старались привлечь к себе внимание; найти их штаб дворянину не составило труда.

Для тилура Шеркена, приученного к благовоспитанному свету, было в новинку, что низы общества могут вот так открыто собираться, практически не опасаясь гнева имперско-

го правительства: в Хорд Лангоре преступники скрывались от взора Laikont в канализации и в чревах заброшенных домов грусти, куда не долетал солнечный свет.

– Будущего никто не знает; мы с вами заложники судьбы, – сказал он, – вся разница, что вы боитесь ее, а где царит неуверенность, там цветет страх; для меня же вчера и завтра едины. Так вот... я здесь, чтобы предложить вам спасение. Распустите «Мышей Норо Сардента».

– Что ты сказал?! – закричал человек. – Это просто смешно. Ты один, что ты можешь сделать? Мы ломаем тебя, вот и все.

Охранники обступили лейвора, наставляя на него оружие.

– Я же сказал... – глаза лангорита засияли красным. – Будущего никто не знает.

Телохранители уставились на него в потрясении; они привыкли, что под дулами автоматов враги становятся скромнее. Бандиты тревожились, Шеркен ясно видел это. Они держали руки на спусковых крючках своих пушек – старых, но исправных автоматов производства независимого Секкина – и переминались с ноги на ногу.

Терну знал, что, если они откроют огонь, он не сможет уклониться. Его скорости без проблем хватило бы, чтобы справиться с двумя или тремя вооруженными людьми, но в комнате их было около десятка, а окрестности охраняло еще полсотни бандитов.

Зато у него был козырь в рукаве.

Под потолком раздался хлопок, затем – орлиный крик, и через мгновение на одного из охранников сверху упала железная птица. Человек закричал, от него во все стороны полетели брызги крови. Стоявший напротив него повалился на землю с небольшой красной точкой во лбу.

Остальные едва успели среагировать и открыть огонь по птице, как Терну рванулся с места.

Схватив ближайшего к нему бандита, он резким движением свернул ему шею и, зажав его руку, расстрелял весь магазин. Еще трое, вопя, упали на залитый красным пол. Лейвор бросил труп в стоявшего рядом врага, отточенным движением выдвинул из рукава нож в ножнах и, мгновенно выхватив его, перерезал горло ошарашенному противнику.

Клинок, словно пуля, вылетел из его лапы, попал очередной жертве в шею и застрял в плоти; Терну сразу же подскочил к фонтанирующему кровью трупу и, вытащив оружие, вонзил его в голову лежащему под телом товарища недобитку. Последний стоявший охранник глядел не него безумным взглядом, наставив на аристократа свой дрожащий автомат... Взмах железного крыла – и его голова слетела с плеч.

Птица вернулась на плечо Терну; лейвор, переводя дух, небрежно поправил шарф и облизнулся; сердце бешено билось, но он был абсолютно спокоен. Кровавая стая использовала особый боевой стиль, при котором принципы применялись в пылу сражения, и Шеркен в совершенстве им овладел; только очистив разум от лишних мыслей, можно было

биться без страха и сомнения, используя приемы, отшлифованные десятициклиями войн. В Лангорской империи этот непобедимый стиль называли hinu riesteri – «катой праведника».

В живых остался только главарь. Несколько секунд он молча смотрел на лежащие перед ним трупы, а затем заорал так громко, что Терну решил, что у него лопнут барабанные перепонки.

– Как? Что? Такого не бывает! – вопил наркобарон. – Что ты?! Как?!..

– «Отринь страх», – покачал головой лейвор.

– Монстр! Чего тебе нужно?!

На шум сбежались еще головорезы; даже будь Терну глухим, он услышал бы топот их сапог. Нельзя сказать, чтобы он был совершенно спокоен: сердце билось, лейвор был возбужден. Кровь словно превратилась в адреналин, ему хотелось продолжать; мышцы напряглись, приготовившись к очередному рывку, но он усилием воли смирил жажду крови.

– Вы не слушали. Распустите «Мышей».

– Ты с ума сошел! Ты даже не представляешь, какие деньги в этом вертятся! Скольким людям ты перейдешь дорогу!

– Каждый живет только однажды... – тилур поднял взгляд, птица на его плече оживилась.

Наркобарон поежился в кресле. Дверь с грохотом открылась, внутрь вбежали вооруженные бандиты, брэнча автоматами. По запаху Терну понял, что они боятся; смрад напол-

нил всю комнату. Конечно, бойцы пытались скрыть свое беспокойство, но нюх лангорита им было не обмануть. Сильнее всех пах главарь. Лангорит оценил шансы: его противники делали ту же ошибку, что и те, кого он только что убил. Им достаточно было бы перестать дрожать, чтобы уничтожить его на месте, но вместо этого они с ужасом уставились на него, ничего не предпринимая. Шеркен вздохнул и продолжил:

– У вас есть деньги и связи, но защитят они вас, если я решу вскрыть вам глотку?

– Тронешь меня – сдохнешь, – чуть отойдя от шока, ответил главарь.

– Я в руках Звезд.

Каждое слово работало на него. Чем больше люди верили в бесстрашие Терну, тем могущественнее он становился в их глазах и тем большую власть над ними приобретал. В глубине души он был очень горд собой и не переставал удивляться, как люди похожи друг на друга; эту уловку он применял уже не один цикл.

Бандит колебался, его глаза беспорядочно бегали из стороны в сторону, дыхание было неровным и прерывистым. От него пахло ужасом; Терну видел, как он лихорадочно обдумывает свои варианты, не в силах унять страх – страх смерти, которого не знали лангориты.

– Ладно! Ладно! – наконец воскликнул наркобарон. – «Мышей» больше нет! Все! Вот, смотри, – он схватился за

свой электронный блокнот и стал что-то печатать. – Я тебе отдам все счета, все деньги, всех подельников, все забирай, только оставь меня в покое! – человек бросил блокнот прямо к ногам Терну. Тот улыбнулся.

– Я буду следить, – сказал он, – будьте уверены.

– Вы восхитительны! – воскликнул Верлон, только заведя Терну. На его столе лежал человек; он тяжело дышал и иногда постанывал от боли, но по его смирению было ясно, что под нож он попал по собственному желанию. Продавец счастья намеревался вскрыть его, но еще не успел приступить, хотя его красные глаза уже горели нетерпением.

– Я всегда исполняю обещания, – сказал Терну и неодобрительно посмотрел на пациента, – а вы?

– Я соблюдаю семь принципов, – с легкой обидой ответил наркобарон, указывая на кресло рядом с операционным столом. – Садитесь.

Стоило Терну устроиться в кресле, как воздух пронзил ужасный вопль. Верлон медленно повел своим сломанным скальпелем по телу человека, в воздухе разнесся неприятный запах. Пациент, надрываясь, кричал и отчаянно сопротивлялся.

– Почему вам не дать ему обезболивающее? У вас же полно! – раздражился Терну.

– Ааа, это денег стоит, – сквозь напряжение захихикал Верлон, борясь с пациентом, – и очень немаленьких... затих-

ни! Вот так... – он с усилием зажал клиенту рот и еще глубже погрузил скальпель. Через несколько секунд человек замолчал и перестал дергаться. Шеркелю захотелось отвернуться, но наркобарон снова заговорил:

– Возвращаясь к делу, у меня много вкусной информации. Загадочный некто не так давно закупил у меня огромную партию веществ, причем самых разных. В жизни не продавал такой большой партии. Разумеется, он очень хорошо заплатил.

– Вуркулур.

– Кто же еще? Конечно, не лично. Он прислал агента, но говорил со мной сам через голограмму.

– Вы его видели? – Терну передвинулся на край кресла.

– Совсем немного. Не знаю, зачем он решил почтить меня своим присутствием, но... Измененный голос, маска крысы, какой-то серебристый наряд. Все, больше ничего.

– Что ему было нужно и зачем?

– Он потребовал разбить партию на три части. Первую мы направили в Хорд Лангор по не очень легальным каналам... здесь ведь везде водятся кроты, вы знали?.. секунду... – наркоторговец с трудом просунул руку в разрез на теле пациента и что-то оттуда вытащил. – Когти очень помогают. Так вот, одна партия сивернари – между прочим, редкая наркота и очень дорогая! – ушла в столицу, вторая – в Дрё Серно, искусственный хессен – в Сив Нару.

– Занятно, – Терну задумался на мгновение. – Расскажите

мне вкратце об искусственном хессене.

– О, вкратце не получится, – ответил хирург, приступая к зашиванию. – И так сойдет... Я думал, вы в этом разбираетесь.

– Не во всем. В Хорд Лангоре он мало распространен.

– Хорошо. Видите ли, искусственный хессен – не совсем искусственный, мы покупаем его у всяких жадных червей, которые не стесняются торговать собой. После этого связь с изначальным хозяином путем нехитрых процедур разрушают – подчинение конкретному хозяину завязано на особом феромоне, который в обычных условиях смешан с хессеном, хотя что я, это же в школе проходят. В чистом виде это тоже наркотик, тиннури называется. Порабощающий эффект хессена сохраняется, но привязка – нет... поэтому первый же лангорит, которого видит полечившийся им пациент, становится его хозяином.

– Первый же лангорит?

– Вуркулуру не обязательно самому быть лангоритом, все, что ему нужно для сейкурури – это донор феромонов.

– Как это по-человечески... но и как по-лангорски, – кашлянул Терну. – Как искусственный хессен вводится в организм? Я знаю, существуют инъекции...

– Через инъекцию или так же, как обычный. Эффект почти мгновенный, пять минут от силы. Вам кое-что нужно знать, йеней Шеркен... – наркоторговец перегнулся через пациента. – Найти донора ему не составит труда. Светские

лицемеры, быть может, и верят в семь принципов, но не мы, – Верлон отложил иглу и облегченно вздохнул. – Да и он не станет искать среди дворян, потому что здесь, внизу, принципы – это пустой звук, йеней Шеркен. Были бы деньги...

– Все понятно. Что с Рандом?

– С кем?

– Вы говорили о незнакомце, появившемся в баре. Где он?

– Он птица вольная. Вчера ночью он появился неподалеку от аэропорта, куда направлялся, одной смерти известно, зато мои глаза видели его вблизи и могут подтвердить, что это действительно тот, кто убил императора. Йовин Ранд, да? Надо записать. Что до вашего железного друга, то он улетел из города незадолго до этого и скрылся в закате.

Nichiri Khuru

Рыцарь прибыл в Хорд Лангор ночью.

В этот раз он двигался медленнее, чем раньше: смысла спешить не было, Йовин уже не подгонял его, и это дало ему возможность спокойно любоваться красотами. Вдали от крупных городов он опускался почти до самой земли, а затем снова взмывал в небо, гонялся за лайнерами и камнем летел вниз, чтобы испытать себя. Будь он все еще человеком, у него, вероятно, захватывало бы дух, но он чувствовал, что... ничего не чувствует. У него не было желаний; им двигало теперь любопытство разума и убеждение, что таким шансом нельзя не воспользоваться.

Небоскребы ночного Хорд Лангора – «Сердца Зверя» – сияли в темноте, вокруг них растянулась паутина улиц, плавно переходящих в трущобы; сверху многоэтажный город был похож на кишаший насекомыми термитник. В центре возвышался ныне уже не столь могущественный, но все еще величественный Нигили Синвер.

Эртинур не знал места более роскошного и влиятельного, чем лангорская столица. Вечно бушующий океан защищал остров, на котором стоял Хорд Лангор, от внешнего мира, и сюда, в этот безопасный рай, отовсюду стекались достижения наук и искусств; благодаря этому город достиг к эпохе

Фенхорда населения в пятьдесят миллионов жителей и стал воплощением прогресса. До того, как он вступил в сопротивление, «столица мира» была для Сунду Ринслейфа пределом мечтаний, но теперь он видел в Хорд Лангоре лишь символ имперской жадности, ставку безумных императоров, одержимых завоеванием мира.

И все же человек не мог не восторгаться этой жемчужиной лангорской монархии.

К счастью для Рыцаря, на этот раз ему не пришлось вновь погружаться в трущобы. В мрачном дождливом городе его присутствие не привлекало внимания – летающие автомобили и дроиды уже стали в имперской столице обычным явлением.

Пролетев над небоскребами, шпили которых тонули в темных тучах, он приземлился на крыше высокого старого здания, откуда открывался вид на залитый неоновым светом широкий проспект; Вуркулур уже ждал его там. Он сидел в странной позе, словно на коленях, раскинув вокруг себя полы мантии.

Услышав Рыцаря, он медленно поднялся; глаза крысиной маски светились голубым, словно прожекторы, и окрашивали пролетающие мимо них капли дождя. Загадочный террорист напоминал призрака, а для систем железного гиганта им же и был: сенсоры настаивали, что перед Рыцарем никого нет.

«Та же технология, что и в моем теле?..»

– Бессмертный рыцарь прибыл для исполнения долга, – отрапортовал солдат. По непонятному звуку, раздавшемуся из-под маски, Рыцарь догадался, что Вуркулур доволен.

– Вы готовы к следующей операции? – спросил террорист.

– Полностью.

– В таком случае... – Вуркулур протянул Рыцарю небольшое запоминающее устройство, – приступайте.

– У меня есть два вопроса.

– Я слушаю.

– Почему вы встречаетесь со мной лично? Почему вы, самый разыскиваемый человек в Империи, скрываетесь в Хорд Лангоре? Вам бы следовало спрятаться подальше и...

– Я тень, – ответил Вуркулур. – Появляюсь и исчезаю, когда пожелаю. Но я открою вам и простую тайну: безопасная связь – это миф, а тени на свету не видны.

– Скрываетесь на виду у всего мира... В чем заключается ваш план?

– Вы считаете, что это знание сделает вас сильнее? – от террориста повеяло холодом. – Заблуждаетесь. Большое знание порождает сомнения. Доверяйте нам, и ваша верность будет вознаграждена.

– Вы предлагаете мне работать на вас, но отказываетесь даже просто объяснить, чего добиваетесь, – железный солдат по старой человеческой привычке опустил голову, раздумывая, как убедить своего покровителя.

– А у вас есть выбор?

– Я... – начал Рыцарь, но, подняв взгляд, увидел, что Вуркулура уже нет; тот просто испарился, исчез без единого звука.

«Есть ли выбор?..» подумал механический гигант... и вдруг понял, что нет.

У него не было ни семьи, ни знакомых, ни дома, ничего. Единственной целью его существования была борьба с Лангорской империей; раньше, наверное, осознание того, насколько стал вдруг важен Вуркулур, которого он не знал и не понимал, повергло бы его в шок. Давать смысл жизни – это ли не власть?

Но он ничего не чувствовал.

Рыцарь подключился к устройству, которое получил от террориста; его интерфейс заполнили файлы: биографии, видеозаписи, описания, инструкции... Миссия сводилась к одному – стать ночным кошмаром каждого имперца. Предстояло совершить десятки преступлений, оборвать много жизней, чтобы внушить лангоритам страх перед человечеством. В глубине души Рыцарь сомневался, что это возможно – лангориты во всем мире славились своим бесстрашием – но ему было все равно. Приказ Вуркулура узаконил его право мстить.

Большого он и не просил.

Местом заседаний Круга регентов генерал Аффери выбрал большой зал прямо над медиафасадом Нигили Синве-

ра. В новой Комнате Совета сочетались темное дерево, кожа, позолота и стекло; такие интерьеры, некогда распространенные повсеместно, ныне остались только в жилищах стариков-аристократов и заброшенных усадьбах вымерших родов, которые одна за другой становились жертвами все разрастающихся торговых центров и домах грусти; лангориты преклонялись перед прошлым, но смотрели всегда в будущее.

Среди императоров особой страстью к прошлому славился Фенхорд, который и оборудовал в свое время эту комнату; о том, какой сейчас цикл, напоминали лишь большое панорамное окно, через которое открывался завораживающий вид на проспект Памяти, соединяющий императорскую резиденцию с Алари Серо, старым монаршим дворцом, и экран на стене.

Тилур Мурдикин сидел в центре зала за продолговатым столом в компании других советников, ожидая прибытия Аффери. Все стулья, кроме двух, были заняты; советники, скучая, обсуждали последние новости. Часы тикали, но генерал не спешил: младшим офицером он был известен своей большой пунктуальностью, но чем выше он поднимался, тем презрительнее начинал относиться ко времени. В часы битв он всегда был там, где положено, но в перерывах...

Наконец дверь распахнулась. Генерал, одетый в черно-красную форму высшего офицера – китель с лацканами, белую рубашку с красным галстуком, строгие брюки, высо-

кие сапоги, перчатки с железным кольцом, украшенным имперским гербом, и когтями на пальцах, и фуражку, слева от которой слабо поблескивало старое ушное кольцо – уверенным шагом вошел в зал и занял место председателя по другую сторону стола от двери; на поясе его висел кортик в ножнах; взяв в рот сигарету, Аффери щелчком пальцев приглушил свет и запустил видео на экране за спиной.

– Благородные тилуры, – сказал он, – как вы видите, конфликт распространяется. Погромы охватили все крупные города, ненависть усиливается и проникает повсюду. Я полагаю, нет необходимости объяснять, что это для нас всех означает.

– Что вы предлагаете, jekkenihore? – спросил тилур Вирнагрив, старый аккор и опытный консерватор, министр внешних сношений. – Каков ваш следующий шаг?

– Для этого я и созвал Круг. Пришло время решить вопрос отношений с человечеством. Мы должны сохранять контроль над ситуацией, иначе единство державы будет подорвано. Империя требует великих перемен, благородные тилуры.

– Каких, например? – спросил Мурдикин. – И почему нет императора? Это все-таки вопросы государственной важности...

– Его присутствие замедлит нашу работу. Он еще недостаточно опытен, чтобы участвовать в высокой политике. Кроме того, вы сами понимаете, что то, о чем мы говорим – не

для посторонних ушей. Государственная важность, Мурдин-риву.

– Что ж, будем говорить о людях? – сказал Фуркум. – Раз так, то сообщаю ценную информацию. На черном рынке в Нурвине и Нораввуркикене вырос оборот запрещенного оружия. Когда я говорю «вырос», это значит, что он стал просто огромным. Фантастический рост. Угадайте, с чем это связано...

– Человечество готовится к борьбе. Вполне ожидаемые последствия. Я читал ваш отчет, йеру Нираго, – при этих словах генерала Ниргин Нираго, глава Департамента нравов, заерзал на месте. – Огласите его для Круга регентов, *weideuyt aghero*.

– Как пожелаете, *giihore*, – Нираго, строгий кавкар-орел, встал и, достав из своего портфеля гибкий планшет, начал читать. – За два дня, прошедшие с инцидента на Арене, количество расовых преступлений со стороны лангорского большинства превысило показатели за весь предыдущий цикл...

– Инцидент, так теперь это называется, – пробормотал Фуркум. – Ну-ну...

– Особенно заметен рост в следующих регионах: Столица мира Хорд Лангор, северная и восточная части Кайлура, особенно провинции Фетуро цер Нейвен, Иннарис, Нурвин и города Синпур, Верниг Кордейн, Термуда Вивер и Милури, а также колония Нораввуркикен... беспорядки в Дрё Сер-

но удалось подавить, однако напряжение сохраняется.

– Что в Секкине? – спросил Вирнагрив.

– Ничего. Тилур Кихирихиннон справляется...

– Он уже давно не тилур, – раздраженно перебил Аффери. – Так или иначе, положение в Кайлуре и крупных колониях ухудшилось, это главное.

– Преступления совершают как лангориты, так и люди, giihoge, – сказал Нираго. – Самые распространенные нарушения – побои, убийства и порча имущества... Все развивается так, как мы ожидали. Ситуация не выходит за рамки допустимого.

– Федерация осуждает нападения на людей, – Вирнагрив наклонил голову. – Министерство намерено выступить с критикой и санкционировать несколько ударов в защиту чести Империи, возможно, по острову Никкари. Это пощекотало бы нервы федералам и лично фавису Ульду. Все в соответствии с нашими договоренностями.

– Отклонено, – отрезал Аффери, – сейчас плохое время для войны.

Фуркум пристально посмотрел на генерала: ему было необычно слышать такое от военного. Генерал лучше любого из регентов понимал, что Дикая орда крепка в полной мере и может сражаться в любых условиях. Смерть монарха не затронула войска; вся непосредственная власть над ними была в руках Первого командующего. В чем же дело?.. Мурдикин был заинтригован.

– Jekkenihore, позволять Федерации вмешиваться во внутренние дела Империи – значит рисковать престижем и ставить страх перед нашим знаменем под удар, – настаивал Вирнагрив, – это худшее, что только может произойти. Мы взяли на себя огромные обязательства, вы, позвольте напомнить, тоже, так давайте соблюдать. История не должна запомнить нас слабаками.

– Генерал, Вирнагрив-риву прав, Империя высоко держит голову, – сказал Нираго. – Я за удар.

– Сначала нужно удостовериться, что войска готовы. Я дам добро на операцию против федералов, когда придет время, но прежде мы проверим боевой дух Дикой орды; вы понимаете ответственность Верховной ставки. Я попрошу йеру Нираго сопроводить меня в Синуранастрис.

– Так далеко на север? – удивился кавкар.

– Муру Синуранастрис – самое суровое место в Империи. Там мы увидим все и получим полную картину. «Из лишения рождается честность», как говорил император Синвер... Время перерыва. Мы возобновим обсуждение через пятнадцать минут.

Регенты стали расходиться; некоторые направились в буфет, где управляемые Laikont роботы готовили вкуснейшие деликатесы, другие разошлись по углам комнаты, ведя разговоры о свете, политике, торговле, дуэлях и войне.

Фуркум заметил одиноко стоящего у окна тилура Вирнагрива и подошел к нему. Министр смотрел вниз, охватывая

взглядом вечерний город, и что-то однообразно насвистывал себе под нос.

– Мурдикин-риву, – сказал он, – что думаете?

– О, здесь все так сложно, я еще не вник, – улыбаясь, ответил тикку, – такие большие дела... однако у меня есть в Федерации крупные проекты, я уверен, некоторые вам хорошо известны. Император Хинрейв, *aideris khestet*, поддерживал такие начинания, очень прибыльные, к слову. Мне нужно подумать. Вопрос пока что не стоит ребром, я прав?

В глубине души Фуркум уже давно определился, но ему было интересно, что за игру ведет генерал. Выбрав публично сторону, тикку бы ограничил себя в возможностях; конечно, его очень волновал вопрос обязательств, и был готов на многое, чтобы все прошло по плану. У него были инструменты.

– Правы, – поморщился Вирнагрив, – однако в отличие от вас, Мурдикин-риву, я не торговец и не могу позволить себе такую роскошь, как торговая мораль. Я воспитан на семи принципах... Мы должны держаться плана, я не могу допустить, чтобы честь державы была запятнана слабостью, Хинрейв слишком далеко завел нас со своей мирной программой. Величие стоит крови, и тот, кто это забывает – враг Империи.

– Я понимаю, – улыбнувшись еще шире, мягко сказал тикку, – но понимает ли генерал?

Внезапно он ощутил сильный озноб, ему стало нехорошо. Он почувствовал дрожь в коленках и оперся на стену, боясь

упасть; министр поддержал его и помог удержаться на ногах.

– Все в порядке? – спросил он, обеспокоенно глядя на Фуркума. – Вы плохо выглядите.

– Спасибо, Вирнагрив-риву... – бизнесмену было тяжело говорить, в горле пересохло, но он старался не показывать свою уязвимость. – Неужели настолько заметно?

– Очень. Что с вами? Вам нездоровится? Давайте вызовем Больничное управление...

– Нет, нет, что вы, благодарю покорно, но не нужно, – Мурдикин выдавил из себя слабую улыбку, – сейчас пройдет. Это бывает...

Путь до ванной комнаты показался ему вечностью. Когда он наконец дошел, ему уже немного полегчало, однако озноб и дрожь оставались. В Хорд Лангоре легко было заболеть, но в его случае причина крылась совсем в другом.

Плеснув в лицо воды, Фуркум поднял глаза и посмотрел на себя в зеркало. На лапах и морде он увидел пятна крови; шерсть слипалась от холодной темной жидкости, маленькими струйками стекавшей вниз. Мурдикин усмехнулся.

Всегда одна и та же галлюцинация.

– Неужели опять? Интересно, в чем на этот дело... – прошептал он самому себе. – Мне даже немного идет.

Он закрыл глаза и медленно досчитал до десяти; способ этот, простой и действенный, пришел к нему с опытом за те циклы, что он боролся со своей болезнью. Ведущие медики прописывали ему мощные препараты, которые, как они

уверяли, могли бы излечить недуг, однако они давали лишь кратковременное успокоение, а затем приступы возвращались и становились даже сильнее.

Подняв веки, он вздохнул с облегчением. Все было позади. Тилур Мурдикин немного полюбовался своей гладкой чистой шерсткой и уверенно зашагал обратно в зал Круга регентов, где как раз начиналась вторая часть заседания.

Aloninuri

– С каждым днем атаки становятся все смертоноснее, – монотонно вещала с экрана телевизора стройная рабыня в белом, – только сегодня террорист совершил нападение на базу Дикой орды на южной окраине Хорд Лангора. В результате теракта погибли пятнадцать солдат и двое офицеров. Это уже четвертая атака за последние два дня. По сообщениям очевидцев, патрульные Arivu смогли предотвратить значительное количество смертей, однако остановить объект оказалось невозможно: как рассказал нам гинарис Хенори Йессалур, один из разработчиков системы, противник не распознается системами Laikont, кроме зрительного модуля, что указывает на наличие у него продвинутых технологий маскировки. Эксперты полагают, что Федерация Юга могла предоставить террористам свои военные разработки, однако фавис и официальная Моркарна пока воздержались от комментариев. Мы будем следить за развитием событий. В других новостях: император Мурин сообщил о намерении выступить с заявлением...

Экран погас. Терну откинулся на спинку дивана в своем грязном номере и вызывал Махаму по голографической связи. Небольшое устройство поднялось в воздух и создало под собой трехмерную модель слуги; тот выглядел слегка утом-

ленным.

– Господин, – поклонился Махама, – я рад вновь увидеть вас.

– Взаимно, – ответил Шеркен. – У тебя все в порядке?

– Насколько может быть у одинокого старика, – дворецкий печально улыбнулся и покачал головой. – Господин, я видел в новостях сюжет о роспуске некой банды в городе Норо Сардент. Это вы?

– Как ты догадался? – улыбнулся Терну; общество Махамы расслабляло, и даже через голограмму слуга излучал уют и спокойствие, которого лейвору так не хватало.

– Мне знаком ваш почерк, хозяин... Кроме того, корреспондент упомянул вас и назвал «непримиримым борцом с пороком», но я-то знаю, что вы сделали это не просто из желания покарать зло.

– В точку. Я заключил сделку со связным: информация в обмен на услугу. Это, стало быть, плата, хотя по-хорошему надо было заняться ими раньше; «Мыши» получили, что заслуживали.

– Что же это за загадочный связной?

– Наркотоорговец по имени Верлон Кихирихиннон.

– Вы пошли на соглашение с наркотоорговцем?

– Если бы не седьмой принцип...

– Господин, вы рискуете далеко зайти; будьте осторожны.

В молодости я видел, как герои переступали через себя и в итоге становились негодьями. Они попытаются втянуть вас

в свои грязные дела, но вы, я верю, умны и не поддадитесь.

– Что происходит в столице? – Терну решил сменить тему. – Судя по новостям, у вас там война на улицах. Так начинался Секкин.

– Количество служащих Департамента сильно увеличилось, они теперь повсюду, периодически совершают налеты на человеческих террористов, недавно была перестрелка в непосредственной близости от Рину Читари. Ваш брат Винтури был столь обеспокоен, что даже прислал мне сообщение – впервые за три цикла! – но волноваться не о чем. Я взял на себя смелость заказать дополнительные системы безопасности...

– Имению ничего не угрожает, меня больше волнуют теракты.

– И меня. Летающее чудовище, как говорят, легко отбивается от нескольких Laikont Arivu одновременно. В свое время я участвовал в разработке боевых роботов и могу уверенно сказать, что это единичный образец.

– Федералы очень постарались. Надо признать, если они хотели оскорбить Империю, им это удалось... Береги себя, Махама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.